Мститель. Дорога гнева

Автор:
Валерий Шмаев

Мститель. Дорога гнева

Валерий Геннадьевич Шмаев

Военно-историческая фантастикаМститель #4

Виктор Егоров – простой офицер спецназа ГРУ. Угодив в 1941 год, он начал делать то, что умел – уничтожать врага. А попутно обучил целый выводок молодых «волчат» – юных парней и девчонок, освобожденных из фашистского плена. На что способны вчерашние советские школьники, вооружённые пистолетами с глушителем, самодельными минами и знанием из двадцать первого века, показали рейды отряда осенью сорок первого и летом сорок второго.

Но в сорок третьем ученикам Егорова предстоит сдать настоящий экзамен – теперь всё по-взрослому, мстители выходят на дорогу гнева, и горе тем «гансам» и «фрицам», которые осмелятся встать у них на пути.

Валерий Шмаев

Мститель. Дорога гнева

© Шмаев В. Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

21 сентября 1942 года

Второй день идёт мелкий осенний дождь, то прекращается ненадолго, то начинается опять. Мокрые листья облепили лобовое стекло нашего «Блица», капли громко стучат по крыше кабины. От дыхания стекло запотело, влажный мундир почти не греет, мокрые сапоги с налипшими на них комьями грязи тоже тепла не добавляют. Радует только «Фея», уютно устроившаяся у меня на коленях, спрятавшая нос у меня на груди и так уснувшая. Я залез руками к ней за пазуху, обняв за тоненькую талию и крепко прижав к себе, и рукам теперь хорошо. Девочка только вернулась из дозора и, вместо того чтобы спать в землянке, пришла ко мне в машину. Зря разрешил остаться, мокрая же, простудится не дай бог.

Кап, кап, кап, кап. Капель навевает сон, но уснуть всё не получается, боюсь разбудить девочку. Бездумно смотрю на унылый осенний пейзаж за стеклом, не видя его, а перед глазами мелькают события прошедших дней.

Очень неплохая запасная база, очень близко от города и очень удобно расположена. Никому и в голову не придёт сюда заявиться. Да, мы все циники, но Зерах превзошёл даже меня. В прошлом году здесь, в этом лесу, происходили первые расстрелы. Там, дальше, прямо в лесу, в небольшом песчаном карьере, длинные могилы, в которых лежат раненые красноармейцы, душевнобольные, врачи медсанбатов и больниц и немного евреев, попавших под горячую руку немецких солдат в самые первые дни оккупации. По сравнению с полями и лесами рядом с Саласпилсом просто райское местечко.

Здесь небольшая ложбинка, стыдливо прикрытая кустами, и берёзовый перелесок, в который мы загнали свои машины. Теперь рядом с этими братскими могилами лежат двое бойцов «Стрижа». Лежат совсем недалеко от землянки. Одного убили сразу, второй умер уже на базе. Клаус ничем помочь ему не смог.

Обидно и грустно одновременно – очередь из «Дегтяря» замыкающая машина получила в борт ночью из леса. Кто стрелял, мы даже не выясняли и не остановились. Преследовать в темноте неизвестную группу условного

противника – это только зря терять людей, которых и так немного. Почему условного? Ну не немцы же ночью из леса колонну из русского ручного пулемёта обстреляли. Было это в сорока километрах от Риги.

Двигались мы лесными и просёлочными дорогами, обходя крупные деревни и посёлки. Маршрут движения колонны прорабатывали Зерах и «Погранец» со своими разведчиками. «Ганомаг» я оставил на базе, мне он с собой был не нужен, да и «пионеры» технику поизучают. Кроме молодых бойцов дома остались «Белка», «Восьмой», Авиэль, Эстер с Розой и Иланой и «Погранец» со своей группой в качестве инструкторов. «Кюбельваген» и два грузовика были забиты под завязку людьми, запасной формой, оружием и фугасами.

Шли не торопясь, ночами, останавливаясь днём и делая засады на живца, то есть на якобы сломавшийся грузовик. В результате наша колонна увеличилась ещё на три грузовика, один из которых полностью был забит продуктами, а ещё один – всем необходимым для производства напалма и тоже продуктами, бутылками и ящиками с консервами.

Недаром в этих районах Зерах летом шарился. Ох, недаром. Небольшой полицейский участок он отметил на уничтожение как цель отвлечения, но я специально расспрашивал его о каждом объекте и отметил участок как объект грабежа.

Мы уже шли на четырёх полупустых грузовиках и одном пустом и специально заехали в этот посёлок вечером перед самой темнотой, чтобы как можно меньше местных смогли описать колонну. Не уничтожать же всех жителей посёлка? Удачно заехали, надо сказать. Семеро местных полицаев были на месте и охраняли полностью забитый склад и здание бывшей волостной управы, в котором теперь были полицейский участок и районная комендатура, а за начальником полицейского участка послали гонца. «Серж» был очень убедителен. Полицаев зарезали сразу же, как только убежал гонец. Нет, они ничего не заподозрили, просто чтобы не мешались под ногами.

Начальник полицаев с гонцом прожили чуть дольше. Странные люди. Если у нас нет времени посадить их на кол, а повесить мы их не можем, чтобы не светиться, нам ничего не мешает, переломав им все кости, сжечь живыми. Надо было только честно и быстро ответить на наши вопросы, я же сразу предупредил, что «Серж» – «Второй». Нет, выступать принялись, голос повышать, глазками сверкать, потом ножками сучить, тельцем ёрзать и мычать,

стонать, выть сквозь кляп и плакать. Как маленькие, право слово. Всё равно ведь всё рассказали, только помучиться пришлось перед и так непростой смертью.

Когда загрузили всё, что нам было надо, и забили грузовики под завязку продуктами и боеприпасами, Давид применил свои знания юного химика. Второй опыт получился тоже удачным. Колонна ушла вперёд, а мы на «Кюбельвагене» отстали.

Мы уже догоняли колонну, а за нашей спиной стояло зарево в полнеба. Даже не представляю, откуда местные полицаи взяли столько напалма, чтобы совершить такой необычный акт самосожжения, причём вместе со складом. Впрочем, пусть родственники разбираются, если найдут кого, что вряд ли, весь керосин забрать не удалось и Давид мешал адскую смесь прямо в бочке. Будет у меня теперь штатным химиком. Утром остановились на днёвку на большой поляне в лесу, перетрясли всё хозяйство и снова упаковались, чтобы на марше разделиться и сразу разъехаться по разным базам, а ночью получили очередь из пулемёта.

Не везёт мне с пленными. Впрочем, чего это я? Последний грузовик у меня пулемётный, для группы прикрытия. Хорошо, что им досталось, а не второму грузовику с фугасами и не третьему с готовым напалмом, но всё равно людей жалко.

Теперь сидим на базе, ждём Зераха или гонца от него. Квартира недалеко от центра города готова принять своих новых хозяев. Две местные секретутки скучают в одиночестве, но, подогретые «баблом», лишнего не возбухают. Вторая хата тоже готова – небольшой домик на берегу Западной Двины ждёт своих новых квартирантов. Деньги заплачены вперёд, так что хозяйка довольна.

«Такой щедрый господин офицер и такой галантный, и такой вкусный шоколад. Ох, господин офицер, мне значительно больше лет».

«Ну да. Лет тридцать тебе бы не мешало скинуть, старая кошёлка, была бы ничего». О чём это я? Конечно же, это мысленно. Может, ты сбегаешь и доложишь, что к тебе заехал офицер гестапо, но, скорее всего, просто промолчишь, чтобы не нарываться.

Карты города у нас есть, целых три. Одна, правда, слегка залита кровью, это я ещё на базе заметил. Оказалось, фельдфебель не хотел отдавать, он по этой карте как раз искал что-то. Выкинули в реку. Принесло кому-то подарочек. Совершенно верно, как раз недалеко от этого дома и выкинули, но это не мы. Разведчики Зераха постарались и «Гном» с Арье, из одной же деревни. Давно не виделись, вот и лазают вместе, делятся опытом и воспоминаниями, а потом по их разведке и мы с «Сержем» подтянулись.

– Понимаете, фрау Анна, я старый солдат и не знаю слов любви. – Почему-то эта фраза растопила лёд в сердце хозяйки. Или всё же это деньги, заплаченные за три месяца вперёд, да ещё и имперскими марками? «Серж» раз десять повторил эту фразу из фильма из моего времени, всё никак не мог запомнить из-за хохота, стоящего в землянке.

Есть ещё одна хата, квартира в смысле, такая же, как и в Даугавпилсе. В смысле такая же большая и неухоженная и такая же пустая. Живёт в ней подполковник интендант, заведующий каким-то тыловым управлением. Мы узнали о ней совершенно случайно, когда искали квартиру себе. Оставил на заметку, как запасную базу.

Пожилой подпол с денщиком и кухаркой-горничной не помеха. Пускай пока живут, наслаждаются последними днями жизни. За ним, очень кстати, приезжает водила на «Мерседесе», и вообще в том доме живёт много военных. Даже один гестаповец есть. Раньше здесь жило много евреев, теперь много будущих военных покойников.

Нет, о лаврах разведчика Кузнецова я не мечтаю, и стать Героем Советского Союза, тем более посмертно, у меня желания нет. Я хочу, чтобы им было страшно. Нет, не так. СТРАШНО. Очень страшно сдохнуть ТАК. Всем. Не генералам. Нет. Именно всем. Когда я продумывал акцию по Ранке, я задумывал её только как рекламную акцию, но потом понял, что в гестапо идиотов нет и на Елагина гестаповцы выйдут сразу. Зачем мне в дальнейшем лишние сложности?

Легендарный разведчик Николай Иванович Кузнецов был один. Пауль Зиберт был своим и не мог светиться. У меня нет возможности зависнуть в городе на несколько месяцев. Для меня главное – быстрота и движение. Как только я остановлюсь и зависну на длительное время, меня вычислят и затравят.

Сколько в Риге офицеров гестапо, фельджандармов, военных медиков, солдат, полицейских и просто хорошо одетых хлыщей с жетонами гестапо и СД? На всё это у меня есть документы и одёжка. Недаром собирал всё лето. Мастера заколебались всех фотографировать и подгонять документы. Устрою я этому городу развлекаловку по полной программе.

По городу мы уже прошлись, точки, которые надо посетить, я наметил, пока не понял, как уходить, но это в процессе. Главное – запомнить карту города с местами собственного проживания и подходами к ним. Понять структуру управления городом, систему охраны, прохода патрулей, места расположения необходимых нам объектов, точки наблюдения за ними и прочие необходимые для работы детали.

Навестили мы с «Сержем» и адреса, что нам оставил Елагин. Этих адресов два, и я наметил по три объекта рядом с ними, чтобы два раза не бегать. Я собираюсь немного взбодрить местное гестапо и весь город в целом. Взрывчатки у меня немного, но напалм мы можем приготовить в любом количестве и в любом месте. Благо четыре хозяйственных магазинчика типа «тысячи мелочей» я приметил и отметил на карте для Давида.

Ну да, Давид тоже с нами. Для того спектакля, что я приготовил, мне обязательно нужны евреи, причём говорящие по-немецки. Должен же я «Второго» поймать? А как это без евреев сделать? Клаус и Давид вызвались добровольно. Вызвались все, но взял я только их. Давида понятно почему – юный химик, а Клауса – потому что родной немецкий и фотограф, а фотопринадлежностей мы купили с запасом. Для чего? Да заколебался я всем доказывать, что «Серж» – «Второй». А так показал фото, и всё – штаны мокрые, а как бы и не грязные.

Наделает Клаус рекламных фотографий, распихаем мы их в самых неожиданных местах с нашими пояснениями в стиле «Сержа» – пусть нелюди ужаснутся. Тыловым упырям всех мастей полезно, у них война только начинается. Пора их спускать с небес на землю. Да и нашим мастерам надо будет результаты показать – пусть люди порадуются. Они у меня в атаку просятся, а мне их руки важнее. К тому же у Клауса почерк почти каллиграфический, что крайне редкое качество у медика, будет листовки писать на досуге. Бумаги и прочих писчих принадлежностей мы тоже набрали и в доме на берегу реки сложили.

А так, в общем и целом, всё нормально. Из рейда «Стриж» вернулся с одним раненым и одного убитого похоронил в пути. «Погранец» потерял двоих, тоже убитыми. Все из нового пополнения. Наши бывшие малолетки, прошедшие зимнюю школу, не рискуют и просчитывают все свои шаги, а этих, куда ни поставь, всё норовят показать, что они непробиваемые. Вот где сказывается разница в системе подготовки. Последний случай не берём, там и мне могло прилететь, и «Сержу», и вообще кому угодно.

Сейчас весь отряд я раскидал по небольшим запасным базам, в смысле, по землянкам в пригороде, и теперь мы только ждём информацию от Зераха. То, что я задумал, надо сделать по времени. Судя по прошлому году, листва держится до середины октября. Значит, в конце сентября мы должны начать уходить отсюда.

Группы начнут работать несколько раньше нас. Мне необходимо, чтобы госпитали наполнились местными ранеными упырями, а в основном оставшимися в живых карателями, для которых я приготовил весьма непростой сюрприз в конце их поганой жизни. То есть теми, кому повезёт больше убитых. Как они могут подумать вначале.

Ударив, группы начнут отходить в разных направлениях и самостоятельно вернутся на базу, а мы будем ждать. Ждать того момента, когда необходимый мне госпиталь полностью наполнится ранеными и смены врачей будут максимально полными.

Моя группа уже в городе. «Серж», «Старшина», «Батя», Клаус и моя группа исполнителей живут в маленьком домике недалеко от госпиталя. Вернее, живут «Старшина» и «Серж», остальные сидят на чердаке в сарае. Именно в этом сарае окажутся те, кому суждено посидеть на колу. Подготовка уже закончена, остались сутки до начала операции.

Первым начнёт «Стриж» с двумя своими старыми бойцами, «Гномом» и Арье. Удар будет нанесён двойной. Судя по графику поставки горючего, завтра ночью пять «наливняков» повезут бензин на дальний аэродром. Мы остановим колонну и, уничтожив охрану, которой почти нет – пятеро водителей и фельдфебель, пристроим три «наливняка» к казарме охранного батальона. Это тот самый карательный батальон, что охраняет концлагерь в Саласпилсе и ещё два лагеря недалеко от Риги. Маршрут движения девятитонных цистерн с бензином проходит совсем недалеко от их казармы. Этим занимается одна из групп

Зераха – они лучше знают район.

Двадцать семь тонн авиационного керосина слегка изменят пейзаж, подсветят территорию, наполнят намеченный мною госпиталь жареными карателями и дадут сигнал остальным группам о начале работы. Одновременно «Стриж» с двумя своими бойцами, Арье и «Гномом», и два разведчика Зераха обидят станцию переливания горючки. Она уже разведана мной и «Сержем» – две ночи потратили и даже никого не убили. Я, «Фея», «Серж» и Давид уходим на грузовике с напалмом в город и тихаримся. «Кюбель» тоже забираем с собой.

Это то самое громкое проникновение, тихое уже произошло, а нам осталось только доставить некоторую часть груза и машины. Фугасы и часть напалма уже на месте. Грузовик и «Кюбельваген» нам нужны в городе на первом этапе работы. Здесь их никто не будет искать. Обе машины захвачены нами в нашем районе.

Пять «наливняков» – три к казармам охраны, два на станцию, и фейерверк в полнеба обеспечен. При появлении зарева начинают работать группы минирования железнодорожных путей. Таких групп семь. Рига – это крупный транспортный узел с железнодорожными ветками по всем направлениям, паровозными депо, вспомогательными стрелками, грузовыми станциями и мостами через реку. После установки фугасов группы по возможности тихо, работая только из оружия с глушителями и ножами, собираются на местах сбора и уходят по своим маршрутам.

После диверсии группа «Стрижа» возвращается сюда, забирает оставленное снаряжение и начинает рейд в нашу сторону. Сначала на грузовике, затем пешком. Поэтому «Фея» и не уходит от меня, ей хочется побыть рядом со мной, дальше будет сплошная беготня. В землянке битком, люди друг у друга на головах сидят.

«Фея» пойдёт с нами. На базе я долго думал, брать её или нет, но всё же взял. Мне нужна девочка, у меня есть на неё форма и документы переводчицы. Эта форма сидит на ней как влитая – работа Авиэля. Документы идеальны – работа мастеров. Когда Марк узнал, для чего я всё это готовлю, он прослезился, а на «Фею» все мастера последние недели смотрели как на богиню возмездия.

Все последние дни «Фею» гримировали: выщипали брови, сделали накладки под щёки, коротко постригли, перекрасили в блондинку перекисью водорода и дали перекись с собой. Она тоже вооружена по полной программе. На все стволы сделаны глушители и специально под её руки изготовлены остро наточенные ножи. Всей группе сделано максимальное количество оружия и документов. Группы, которые пойдут от города, – это группы прикрытия. Основная операция здесь, правда, ни немцы, ни каратели, ни полицаи этого не знают. Пока не знают.

* * *

Москва. Управление особых отделов НКВД СССР.

Прошло три недели с тех пор, как разведгруппа отряда «Второго» попала в Управление, и уже были первые результаты проверки доставленных сведений. Из семнадцати немецких разведчиков, информацию о которых принесли курьеры – именно так себя называли эти необычные молодые люди, – задержаны были одиннадцать человек. Все одиннадцать немецких агентов были даже не удивлены, а просто потрясены собственным арестом и показания дали практически сразу. Ещё шестеро находились под постоянным плотным наблюдением, так как занимали очень высокие посты в тыловых управлениях Красной Армии. Только одно это обстоятельство позволяло отнестись к принесённой информации с повышенным вниманием. Однако все остальные сведения были не менее интересны.

Образцами вооружения и снаряжения, а особенно специальными жилетами, минами и приспособлениями для бесшумной и беспламенной стрельбы, очень заинтересовались в учебном центре подготовки специальных разведовательно-диверсионных отрядов под руководством комиссара госбезопасности Судоплатова. Судоплатов даже сам приезжал в Управление, чтобы поговорить с разведчиками, а позднее забрал их к себе в центр, чтобы изучить их систему подготовки. К тому же сами курьеры попросили, чтобы им предоставили возможность тренироваться.

Через несколько дней Судоплатов на совещании докладывал Берии о бойцах этой странной группы. Столько восторженных фраз не слышало ни одно совещание у народного комиссара внутренних дел СССР. По словам начальника Четвёртого управления НКВД, восемнадцатилетний боец, вооружённый двумя

пехотными лопатками, менее чем за минуту вывел из строя шестерых подготовленных бойцов, а напарник, прикрывающий его, «отстреливал» противников, кидая ножи с двух рук.

Сама система подготовки бойцов не использовалась нигде в мире, но была очень эффективна. Трое из четверых разведчиков год назад были простыми деревенскими мальчишками, но приёмы, которые они использовали, ставили в тупик инструкторов учебного центра.

Привезённый в Москву Судаев, которому показали документы по ППС, вцепился в чертежи мёртвой хваткой и после их изучения и пояснений к ним признал, что изменения качественно улучшают изобретённый им пистолет-пулемёт и повышают его тактико-технические данные.

Проверялись и изучались и другие образцы стрелкового вооружения, которые, по мнению специалистов-оружейников, были лучше существующего оружия на несколько порядков. Одни чертежи крупнокалиберного пулемёта вызвали столько споров, что в них вмешался Берия, и опытный образец начали делать в одном из московских экспериментальных цехов уже через три часа после выстрела из этого орудия главного калибра.

Очень интересным оказался чертёж мелкокалиберной автоматической пушки с просто потрясающей скорострельностью. Помимо технических характеристик автоматического орудия, расписывалось его применение в качестве прикрытия пехоты и уничтожения бронированной техники и авиации противника. Для улучшения мобильности автоматических пушек предлагалось устанавливать их на танки БТ и Т-26 вместо орудийных башен.

Был также чертёж и подробные характеристики ручного гранатомёта для уничтожения танков. Как пример была приведена ручная базука, используемая в американской армии, но именно этот гранатомёт никем в мире не использовался и был очень эффективным, крайне дешёвым средством для борьбы с танками и вообще любой наземной техникой противника. Сам гранатомёт предлагалось использовать в каждом пехотном отделении, а простота устройства позволяла обучить владению им всех бойцов стрелкового взвода.

Используемая в Красной Армии сорокапятимиллиметровая противотанковая пушка к сорок второму году устарела и заменялась новым образцом, но уже не

удовлетворяла потребностей армии в качестве орудия поддержки пехоты. Противотанковые ружья Дегтярёва и Симонова также не отвечали изменившимся условиям современной войны и требовали замены. Да и вес этих ружей был значительно выше, чем описанный гранатомёт.

Помимо стрелкового и противотанкового вооружения неизвестный технический специалист предлагал использовать дополнительный защитный обвес на танки, назвав это «динамической защитой». Вся технология этого обвеса была расписана подробно с теоретическими выкладками защиты экипажей танков от попадания кумулятивных и бронебойно-подкалиберных снарядов. Что тоже не использовалось ни в одной армии мира и привело ведущих специалистов бронетанковой академии в состояние крайнего недоумения. Если описанный способ не использовался ни в одной армии мира, то откуда он взялся?

Информация по месторождениям алмазов пока проверялась, но сложностей не возникло. В Архангельской области, совсем рядом, находился один из лагерей, и недостатка в рабочей силе не было, а географическая партия была отправлена туда немедленно. Долбить шурфы осенью в том районе – не самое приятное занятие, но иначе информацию было не проверить.

В Пермский край были отправлены сразу три географические партии. Россыпное месторождение алмазов находилось прямо на поверхности, и оставалось только привязать координаты к местности. Это месторождение обнаружили почти сразу, и уже были получены первые образцы драгоценных камней, что привело геологов, находившихся на месте, в состояние непроходящего шока. Кроме того, изучалась информация по россыпному месторождению золота в Иркутской области и такого же месторождения в Узбекистане, тоже с полными географическими координатами, что давало надежду на скорую проверку данных.

Главное событие прошедших трёх недель произошло четыре дня назад. Сначала Абакумову позвонил Судоплатов и доложил, что курьер Сара сообщила ему о диверсии, которую в скором времени проведёт отряд. Эта информация должна была быть сообщена не позднее 27 сентября, а 28 сентября немцы стали кричать об уничтожении отрядом «Второго» военного госпиталя, расположенного в городе Риге.

Госпиталь вместе со всеми находившимися в нём ранеными был сожжён дотла. Погибло более шестисот немецких солдат и офицеров. Три врача госпиталя и

две медсестры были посажены на сосновые колья и обнаружены позднее, ещё десять врачей и одиннадцать медсестёр были повешены недалеко от госпиталя. Остальные врачи, медсёстры и санитары сгорели и задохнулись в дыму вместе с ранеными солдатами и офицерами Вермахта.

Врачи именно этого госпиталя использовали кровь, взятую у детей, содержавшихся в лагере смерти, и именно в этом госпитале лежали латвийские каратели из охранного батальона, концентрационного лагеря «Куртенгоф». Все они погибли в госпитале вместе с немецкими солдатами.

Информация курьера изобиловала подробностями самого концентрационного лагеря и его обитателей, а также объясняла причины, по которым командир отряда назвался польским аристократом. Оказалось, что это дезинформация для немцев, личность командира отряда и его происхождение курьеру были неизвестны, а саму информацию необходимо было подать как месть поляков за гибель в лагере польских граждан.

Вчера, 29 сентября 1942 года, Совинформбюро сообщило, что немецкий госпиталь в городе Риге был уничтожен польскими участниками движения Сопротивления в качестве мести за концентрационный лагерь «Куртенгоф», находящийся в местечке Саласпилс, в котором у детей до десяти лет брали кровь для раненых немецких солдат из этого госпиталя. Называлось и предположительное количество погибших на данное время детей. Более шести тысяч человек.

Это была очередная изощрённая информационная бомба, заложенная неизвестным командиром отряда и взорванная им с потрясающей эффективностью. Курьеры сами рассказали на радио подробности расстрелов их семей в сорок первом году, а информация о самом лагере, в котором содержались узники со всей Европы, была отправлена в Красный Крест. Конечно, от этого не будет никакого толка, но курьер Сара, потребовавшая сегодня личной встречи с начальником Управления, чуть прикрыв глаза, на память процитировала слова командира отряда.

– Чем больше шума, тем снайперу проще охотиться. – Немного помолчав, Сара пояснила: – Чем больше о нас самой разнообразной и неправдоподобной информации, тем немцам сложнее нас искать, а нам проще воевать. Теперь упыри поляков трясти будут, а мы к полякам никакого отношения не имеем. «Командир» сказал, пусть развлекаются, может, найдут кого. – Не дожидаясь

вопросов, девушка заявила: – Товарищ комиссар Государственной Безопасности третьего ранга, теперь мы можем сообщить ещё одну информацию. Прикажите отправить на место нашего выхода к линии фронта доверенных вам людей. У деревни, где стоял медсанбат, со стороны леса лежит большой камень. С северной стороны камня на глубине пятидесяти сантиметров закопаны ещё два контейнера. Вскрываются они так же, как и те, которые были принесены нами. В них находится совершенно секретная информация для руководства страны.

Виктор Семёнович, вам рекомендовано не читать информацию из запечатанного пакета. Сами мы не знаем, что находится в этих контейнерах, но в случае опасности захвата их противником «Командир» приказал уничтожить их в самую первую очередь.

Теперь мы готовы набирать группу для перехода к нам. Абы какие люди не подходят, рации не нужны, у нас есть. Нужны минимум двое выносливых радистов со своими шифрами, умеющих работать на немецких радиостанциях. Остальной состав группы – на ваше усмотрение, но не более десяти человек. Большой группой сложно управлять и ее сложно спрятать.

Командовать группой перехода будем мы. Вооружение по нашему образцу. Ваши автоматы не нужны, на них невозможно установить глушители и негде брать боеприпасы. Экипировка тоже по нашему образцу. Необходимо поторопиться: скоро леса будут голые, не пройдём, погибнем, а мы обещали «Командиру» вернуться. – Обращение к Абакумову по званию, а главное, по имени-отчеству было настолько неожиданным, что начальник Управления удивлённо чуть приподнял голову.

Абакумов знал, что курьеры никогда не называли сотрудников по имени-отчеству или званию, выводя сотрудников из себя и приводя их подчас в ярость спокойным, иногда даже ленивым тоном, и называя всех следователей нейтрально – «товарищ командир». Всех без исключения, от рядовых и сержантов до старшего майора Госбезопасности. Никогда и никого.

Исключение было сделано только для Судоплатова, про которого один из курьеров сказал, что он – человек-легенда. Что имелось в виду, пояснить курьер «Ода» не захотел, а надавить на курьеров не было никакой возможности. Неизвестный командир отряда обговаривал это отдельным пунктом. В случае физического воздействия на курьеров или оставления какого-нибудь курьера в управлении все контакты прекращались и все, кто пришёл бы на оговоренное

место встречи, были бы автоматически уничтожены. К тому же не было никакой гарантии, что физическим воздействием не посчитают выскочивший у любого из курьеров прыщик, а информация, которую принесли эти необычные молодые люди, была бесценной. Поэтому сейчас Абакумов дружелюбно спросил:

– Странно, никого по званиям не называете, а мне исключение сделали. Почему?

Девушка спокойно, абсолютно без подобострастия, ответила:

– Вы здесь командир. Остальные – инструкторы, но вы здесь командир. – Слова «здесь» и «командир» Сара выделила голосом. – Звания, награды, положение для нас не важны.

Вы – начальник Управления, человек, отвечающий здесь за всё, как и наш «Командир».

Абакумову показалось забавным сравнение начальника Управления НКВД с командиром партизанского отряда, и он с усмешкой спросил:

– Такой же, как и ваш командир?

На что получил правдивый ответ, который поразил его. Девушка так же спокойно ответила:

– Конечно же нет, Виктор Семёнович. «Командир» для нас значительно выше, чем вы и вы для ваших подчинённых. «Командир» всем нам, и инструкторам тоже, спас жизнь, научил воевать, научил не умирать на этой войне, собрал нас, организовал и ещё многое другое. «Командир» сам ходит на боевые задания и рискует своей жизнью так же, как и мы, но делает это так, что люди гибнут крайне редко. В Даугавпилсе не погиб никто, а их было всего четверо.

Вы для своих подчинённых только верховная власть и высший суд. Вас боятся, а не любят. Мы умеем слушать. Извините, если обидела.

Абакумов промолчал и, не зная, что ответить, отпустил девушку. Чётко повернувшись через левое плечо, Сара вышла из кабинета.

Только взглянув на информацию, извлечённую из контейнеров, найденных именно там, где сказала девушка, Абакумов выехал в Кремль. Сведения, переданные командиром отряда, касались описания ядерного проекта и ракетного вооружения. Информация из первого контейнера была запечатана в отдельный большой пакет, перевязанный толстой чёрной шёлковой лентой и необычно запечатанный. Открыть незаметно было невозможно, а дураком Абакумов не был. На пакете было написано только одно слово: «Сталину».

Сара

После последнего моего сообщения прошла уже неделя. Тренировки, которыми мы занимались с курсантами школы, у нас изменились, вернее, к нашим тренировкам добавились ещё и прыжки с парашютом, а вместо простых курсантов с нами стали заниматься бойцы нашей будущей группы. На теоретических занятиях мы и учили, и учились. Мы показывали всё, что знали и использовали сами, нам показывали то, что мы не знали. Вот только оказалось, что таких знаний практически нет, кроме, пожалуй, радиодела, а вот мы первую неделю читали лекции и показывали свои знания и умения местным инструкторам.

Нет, конечно, мы не знаем хитростей подрывного дела, всяких там ядов и химических реактивов, но нам это и не надо. Откуда мы бы всё это взяли? Да и зачем нам это? Цели и задачи наших диверсионных групп совсем другие. А вот то, что «Командир» рассказал нам в своё время за столом по поводу гранат без замедлителя, «Ода» рассказал в первый же день в лицах.

На хохот инструкторов даже пришёл руководитель школы. Развлекались эти здоровенные мужики, как дети, ещё десять минут, пока мы не сказали, что такие гранаты есть у каждого бойца нашего отряда, даже у таких детей, как Даир, так как попадать в плен никому из нас нельзя. Впрочем, в этой школе все такие. Для всех бойцов этой школы гибель на собственной гранате – самый лучший выход из безнадёжного положения и самый желанный.

Сегодня произошло событие, которое выбило всех нас из накатанной колеи тренировок. Нас всех шестерых и погибших Шета и Натана тоже неожиданно наградили орденом Боевого Красного Знамени. Это было, правда, неожиданно. Начальник школы зашел в класс, где мы учились, и прямо на занятиях вручил

ордена. Такого ордена ни у кого из курсантов нет, даже у инструкторов только у двоих. Я вот сижу и думаю, за что мне эта награда?

«Старшина», «Белка», «Батя», «Погранец», «Стриж», «Восьмой» сделали много больше нас. А погибший «Рысь»? А «Серж»? А «Командир»? А наш «Руль», который никогда больше не улыбался после рейда на танке. А «Гном» с Арье, которые были в Даугавпилсе? Зачем мне награда, которую я не заслужила? Ребята, похоже, думают так же, но, как говорит «Командир», пусть будет. Вернёмся – подарю «Командиру». От чистого сердца подарю. Если бы не он, остались бы мы всей группой в этих лесах и болотах. Сказала ребятам об этом вечером, а они дружно засмеялись, и «Ода» сказал:

– Будет у «Командира» четыре ордена Боевого Красного Знамени.

Точно все в Авиэля превращаются, как «Командир» говорит.

Глава 2

18 октября 1942 года

Господи! Что же я наделала-то! Что же теперь делать? Вот дура старая! Куда же я полезла-то? Чего мне дома не сиделось! Прости, господи, душу мою грешную! Что же теперь будет? Въехали они давно уже, офицер этот гестаповский, двое солдат и девка молоденькая. Приехали на машине немецкой. Я, как солдата того увидела, прям обомлела вся. Здоровенный какой, господи! Автоматик в руках как игрушечный, а перед офицером и девкой этой прямо стелется. Двери открывает, к калитке прямо бегом бежит, чуть не кланяется, чемоданы несёт.

Девка эта прямо пава, как палку проглотила, даже головы не наклонит, идёт, не смотрит, куда ступает. Голову подняла, волосы коротенькие, светлые. Стерва белобрысая. Мундирчик чёрный у неё и кобура на поясе. Офицер этот дверь ей открыл, прошла, даже не поглядела на него, как нет его.

Стали они жить, не видно их. Уезжают засветло ещё, возвращаются ночью. И всё время так: солдат калитку ей открывает и вприпрыжку перед ней бежит двери

дома открывать, а сам в пристроечке живёт, и шофёр там же.

Сегодня приехала одна она, без офицера этого. Днём. И солдаты эти уехали. Дура я, дура! Чего меня понесло-то туда? Господи! Она же в гестапо работает. Точно! Переводчицей! Мне же офицер этот говорил! Зашла я туда к ним, во двор, постучалась в дверь-то, интересно же, полмесяца, почитай, живут. В прихожую захожу, а там девка эта в одной рубашке мужской и в галифе, а мундир в тазу лежит, и вода вся красная.

Господи! В крови мундир-то. Девка меня увидела – и в дом, выскакивает с пистолетом и ругается на немецком: «русише швайн» говорит – свинья русская по-ихнему. Как я до калитки добежала, я и не поняла. Она же в допросах участвует! И расстрелах! Что же теперь будет-то, господи?

Никак калитка стукнула? Шаги? Дверь на засов закрыта! Стук? Громко так, кулаком, ногами, прикладом. Господи! За что?

Как сказал бы Авиэль: «Твоё же бабушка ребро через семь гробов да в тринадцатую становую кость!» А ведь хотел просто поговорить. Припугнуть в смысле, а старушка взяла и окочурилась – сердце не выдержало. Неудачный конец удачного дня.

Нашли мы Ранке наконец. Всё уже сделали. И належались, и нагулялись, и приготовили всё, и по городу развезли приготовленные сюрпризы. Уже и отдыхать устали, пора домой собираться. Заключительный аккорд остался: вырезать самых вкусных упырей и Ранке на кол подсадить, а его всё нет и нет. Свалил гадёныш куда-то из города. Ребята его сослуживца выцепили и поспрашивали интеллигентно. Правда, до смерти.

Первая часть операции прошла очень успешно. Даже я такого не ожидал. Нет, у меня была надежда, что поджаренных охранников лагеря привезут в ближайший госпиталь, но я не ожидал, что госпиталь будет забит под завязку. Обожжённые и покалеченные лежали везде: в коридорах, пристройках, подсобных помещениях. Не ждали немцы такого удара, совсем не ждали.

Когда раздался взрыв на полустанке и поднялось зарево у казарм, мы уже двигались по шоссе по направлению к пригороду. «Кюбельваген» с фельджандармами впереди и грузовик, полностью забитый средствами

производства, позади него хорошо были видны в пламени разгоравшегося пожара. На капоте «Кюбельвагена», прямо на запасном колесе, была привязана молоденькая светловолосая девчонка в мужских штанах, в порванной исподней мужской рубашке и босая.

«Прости, Маечка, искуплю! Хорошо, дождь закончился, зараза». Так что пост фельджандармы проехали без проверки, да и не останавливались они, пропустили только три машины, несущиеся из города, и покатили дальше. Остановить фельджандармов и проверить у них документы никто и не пытался. Обидится чем-то недовольный обер-лейтенант, и Восточный фронт дотошливому часовому раем покажется. Можно и в штрафной батальон угодить, а выход оттуда только на тот свет, и не факт, что попадёшь в рай. Грешникам-штрафникам места в святой обители может и не найтись.

Затем дело до автоматизма отрепетированных действий. Грузовик разгружать, «Фею» отогревать, «кюбель» загружать и везти в малюсенький домик на соседней улице первую партию приготовленных фугасов и напалма. А через пару часов как осенние листья полетели поезда.

Один состав очень красиво разбросал по откосу пассажирские вагоны, набитые отпускным офицерьём. Тех, кому повезло больше других, привезли в наш госпиталь.

Другой ровным слоем размазал по путям полустанок. Удивительно, как может изменить окрестный пейзаж состав с тяжёлыми танками, раскиданными по пригороду.

Третий было только слышно. То, что от него осталось, можно было собрать в пятитонный грузовик. Снаряды вёз какие-то. Мальчишки сказали, что кусок рельса в километре от железнодорожной линии нашли, а взрывы этих снарядов мы в другом конце города слышали. Похоже, это были снаряды для тяжёлых орудий, что Ленинград обстреливают.

Четвёртый состав слетел удачнее всех. Вместе с мостом – опора моста и несколько пролётов в реку рухнули. И паровоз с минимум двадцатью вагонами с «живой силой». Неделю немцы трупы из воды доставали. Надо потом поинтересоваться, кто у нас такой кудесник.

Остальные три съехали под откос почти незаметно. До кучи были взорваны шесть стрелок, четыре небольших мостика и патрульный катер, стоящий рядом с мизерной пристанью в пригороде. Команду катера перебили в стоящем рядом с пристанью домике. Сгорели два мелких склада при полицейских участках и три комендатуры.

Это мы потом узнали из слухов и разговоров по городу. Зераховская мелюзга исправно снабжала нас информацией. За долю малую.

Грузовик разгрузили не полностью, оставив только то, что нам было необходимо здесь. Уже ранним утром грузовик отогнали в город и поставили около полицейского управления. Нет, не затем, зачем все подумали, это же закрытый фургон. Лучше охраны на пару дней и придумать невозможно.

Просчитал я всё грамотно, «Фея» потом пирожок испечёт. Взорванные железнодорожные ветки и уходящие по лесам группы оттянули из города лишних полицаев и войсковые подразделения охраны тыла, и никто не всполошился по поводу, зачем это всё было сделано, тем более что на всех местах диверсий были наши листовки.

Группы должны были обозначить направление движения и пропасть, а мы ждали. Ждали, когда подохнут сильно обожжённые охранники лагеря и на их место придут те, кто нарвался во вторую очередь. Ждали, когда уставшие врачи госпиталя вернутся домой спать. Ждали, когда привезут кровь детей, чтобы прихватить палачей в медицинских халатах из лагеря. Это было самое лучшее ожидание в жизни. И мы дождались.

Первым попался грузовик из концлагеря. Мы ждали именно его. Партию перевозимой крови всегда сопровождал врач медицинской лаборатории лагеря, который потом уезжал в город. Отогнали грузовик во двор дома, где жила группа исполнителей, и утопили водителя в ведре с кровью, сфотографировав конечный результат.

Врача в форме оберштурмфюрера СС под белым медицинским халатом и двух медсестёр, непосредственно занимавшихся забором крови в лагере, облив детской кровью, посадили на колья в сарае. Вторая группа в это время таскала на отжатом на соседней улице грузовике врачей. Главного врача госпиталя и одного из врачей в звании гауптштурмфюрера СС пристроили к эсэсовцам,

остальных семерых повесили рядом. Разумеется, тоже с фотографированием процесса.

Когда ребята закончили, уже стемнело. Оставив, где только можно, листовки, мы поехали в госпиталь. На первом этаже мы просто перебили всех, кто попался нам по пути. Одиннадцать автоматов в упор – это страшно, с глушителями страшнее втройне. Трупы устилали пол. Какая охрана, что вы? Одиннадцать не ожидающих смерти инвалидов с винтовками против торжествующего Давида?

Операционная? Переливание крови? Отлично! На улицу всех, на деревья скотов. Хозблоки, кладовые, перевязочные, главное, лестницы – всё заставили бутылями с напалмом. Грузовик выгрузили весь. Сфотографировать всё. Висящих палачей в стерильных медицинских халатах, подсвеченных фарами грузовика, в первую очередь.

Ну, с богом! Да, именно так! А кому не нравится, может в любое время в Саласпилс съездить. Лагерь смерти «Куртенгоф», если официально. В восьмидесятые, девяностые, двухтысячные полюбоваться на берёзовые рощи, выросшие на костях тысяч маленьких детей, на траву, пропитанную кровью. Говорят, там новые латвийские власти метроном отключили, стучащий долгие годы, финансирование мемориала прекратили. Забыть хотят весь этот ужас. Да не волнуйтесь вы так. Забыли уже. Всё забыли, и виноват в этом Сталин.

Да, Сталин. Это он простил вас и забыл весь этот кошмар. Это Сталин вас друзьями сделал, гуманист хренов, а надо было спросить с каждого. За всё. Здесь мы спросим. Сколько сможем, столько и спросим. За издевательства над детьми закапывать надо было башкой вниз. Всех, кто в этом участвовал.

Тем, кто на детей руку поднимает, рано или поздно звездец приходит, но с нами получится значительно раньше, чем ими смершевцы займутся. Всех, до кого дотянемся, на кладбище отправим, а то им опять, как у нас, начнут сроки раздавать. Да и сдёрнут многие к американцам, а здесь уже не успели.

Сфотографировав полыхающий госпиталь, мы уехали. «Серж» со «Старшиной» и «Батей» с группой поддержки – в один из трёх снятых домов на окраине, нельзя оставлять людей одних. Мы с Клаусом, Давидом и «Феей» – в квартиру. Здесь у Клауса своя отдельная неприметная комната, в которой мы сделали фотолабораторию. У Давида вторая комната, в которой стоят бутыли с

напалмом. В эту ночь мы впервые остались с Майей одни.

Мы прожили в своих временных жилищах четыре дня. Мы с Майкой почти не вылезали из кровати, Давид сдружился с Клаусом и стал учиться на фотографа. Что творилось в городе, не знаю, у нас на улице было тихо. Полицейское управление, да, трясло так, что окна в соседних домах звенели. Местное руководство постоянно на крыльце управления вваливало своим нерадивым подчинённым словестных звездюлей. Один полицай даже удара по уху удостоился царственной дланью.

Наш грузовик стоял как вкопанный, никто на него внимания не обращал. Откуда я это знаю? Так окна у меня на них выходят. На грузовик и полицейское управление в смысле. Даром, что ли, я готовился?

На пятое утро пришли «Серж» со «Старшиной» и «Батей». Пора было походить на разведку. Усиление и облавы продолжались три дня, но направление облав было из города, как я и предполагал. Никому и в голову не могло прийти, что мы остались в городе. Говорят, теперь немцы поляков сильно не любят. Чего это они? Они и раньше не сильно дружили, а теперь даже ругаются друг на друга и грозятся. Ничего. То ли ещё будет, дайте мне в город выйти.

Ну, мы и вышли. Я же не просто так город разведывал. Нет, не затем, зачем все думают, я уже отомстил. Теперь поляки будут грабить. Просто грабить магазины, антикварные лавки, ювелиров, немецких офицеров, чиновников, полицаев. Нет. Никаких листовок. Просто резать всех, кто подвернётся, чтобы не оставлять свидетелей. Зачем? Чтобы закамуфлировать Ранке. Чтобы набрать побольше денег и информации.

Мы же не просто будем их резать, мы будем проводить жесточайшие экспресс-допросы с демонстрацией своих фото. Клаус их много наделал. Это тоже дымовая завеса, а вот на последнем этапе пойдут фотографии Клауса и его же листовки с полным перечнем всех этих художеств, и тогда им будет страшно. Будет обязательно, напалм у нас ещё не закончился. Вернее, Давид сделает ещё, а грузовиков в городе много.

Второй этап карательной операции начался в день смерти любопытной соседки. Вот уж точно старая дура. По-соседски она зашла к «Фее», которая только что двух немецких офицеров, как свиней, зарезала прямо в подъезде.

Переминается с ноги на ногу, как клуша, на улице с чемоданом, наполненным книгами, и ушами себе по плечикам хлопает.

– Ой, господин офицер! Вы не поможете мне чемодан наверх занести, а то я приехала, а тёти нет и вообще дома никого нет? Чаем? Что вы, господин офицер! Только коньяком и кофе. – Стоит перед оберштурмфюрером и унтерштурмфюрером СС худенькая белобрысая девчушка в платьишке по последней моде двадцатых годов с просто неподъёмным саквояжем. Волосики коротенькие, мордашка наивная. Глядит глазёнками своими подкрашенными и луп, луп ими. Кукла малолетняя. Выглядит дурочка-дурочкой. Специально перед зеркалом тренировалась.

Истинные арийцы! Губёнки раскатали, глазёнки замаслились, слюнки на лестницу ручьём потекли. Ну как же! Коньячку-то пообещали! А там и до кроватки недалеко. Куда ж она потом денется? От таких-то красавцев! Саквояж друг у друга вырывают, перед «Феей» дверку в подъезд распахивают, под локоток поддерживают.

Семнадцатый и восемнадцатый, бараны. Даже за оружие схватиться не успели. Ох, как недаром я всех своих «пионеров» год тренировал работать одновременно двумя ножами. Точно мы, мужики, думать не умеем, вернее, не той головой думаем. Впрочем, я тоже на такую «Фею» повёлся бы. И сложили их в квартире полковника, которого этой же ночью задавили вместе со всей прислугой. Эти польские евреи такие звери!

За прошедшие десять дней прямо мор прошёлся по городу. Лавочники и владельцы магазинов, парикмахеры, бреющие офицеров, и сами офицеры. Попал под горячую руку бандитам. Бывает. Понятно, что в магазинах и лавочках тоже были немцы или полицаи? Или надо разжёвывать? Нет, не ради убийства, а ради разведки, и это не мы с «Сержем» и «Феей», это группа поддержки.

Зачем? А как я установлю, есть ли наблюдение за нашим гестаповским умельцем и людьми Елагина? Или я должен поверить Елагину на слово? Может, мне подойти к парикмахеру и в лоб спросить: «Не видели ли вы здесь агентов гестапо?» А вот так никто не ждёт. Это бандиты, а не партизаны. Оружие мы с трупов не берём, только документы, часы с портсигарами и деньги, но любой агент, любое наблюдение вскинется и всполошится. А если и наблюдаемого так же зарезали? И побегут проверять. В это время мы с «Сержем» наблюдали. И с «Феей».

«Фея» блистала везде и во всём. И в чёрном эсэсовском мундире, и в серой полицейской форме, и в нарядном платье с ажурной сумочкой в руке. И убивала. Каждый день по несколько упырей. Ножами. Лёгкими, изящными, остро наточенными ножами, с любовью сделанными руками старых еврейских мастеров.

Группа поддержки заколебалась трупы за ней убирать. Надо ведь так заныкать, чтобы сразу найти не смогли. Как только ребята не исхитрялись. И закапывали, и топили, и в подвалы ныкали, и в канализацию убирали. Да и сами они от «Феи» не сильно отставали. Грузовик же под задницей. Приберут за «Феей» трупешник, по пути ещё пару полицаев прихлопнут и в сарае в пригороде закопают или в подвале разбомблённого дома кирпичами закидают. Мы с «Сержем» не запрещали. То, что эти люди перенесли в концлагере, осмыслению не поддаётся. Лишь бы делу не мешала эта самодеятельность.

К человеку Елагина я всё же зашёл. С «Феей». Толстый, рыжий, хромающий на правую ногу увалень в пальто, шляпе и с тростью. С юной воздушной барышней в лёгоньком пальтишке, туфельках и в здоровой шляпе, которую норовил сорвать порывистый осенний ветер. Вот такой вот поразительный контраст.

«Ну и зачем этому уроду такая красотка? Что она в нём нашла?»

«Деньги, господа! Только деньги, и ничего больше». Рыжий прямо сочился деньгами и властью.

«И зашли они в антикварную лавку явно не просто так. Сейчас она его раскрутит на дорогущую безделушку, которая ей совершенно не нужна».

– Что вам угодно, господа? – склонил голову в поклоне пожилой худощавый хозяин.

– У вас продаётся славянский шкаф? Данила Кириллович очень рекомендовал именно ваш шкаф. Нет, не надо закрывать магазин. Сколько стоит вот эта вещица? Отлично! Дорогая, тебе очень идёт. Сдачи не надо. Увидите нашего общего друга, кланяйтесь. Всего вам доброго.

Посылка передана и получена, а в посылке, помимо всего остального, две свежих фотографии на память от нового друга и двоюродного брата. Совсем свежие, они едва успели просохнуть.

Старый опытный офицер просёк всё сразу. Ах да! Конечно же, владелец очень дорогой лавки, втюхавший весьма посредственную вещь за бешеные «бабки». Мне что, денег жалко? Группа поддержки ещё награбит. Круговорот «бабла» в природе. Очень пригодились жетоны СД, пару раз нас проверяли в городе. Прошло всё нормально. Мне даже говорить ничего не пришлось, «Фея» по-немецки говорит много лучше меня. Мне пришлось тренировать заикание, но и так акцент пробивался. Хорошо, что зимой мы с «Феей» разговаривали с врачами только на немецком языке, но ей знание языка далось много легче. «Фея» очень талантливой девочкой оказалась. Во всём.

– Ой, какой ветер! Дорогой, давай зайдём в кафе. Здесь совсем рядом.

Какая незадача! Зашли в кафе и как сквозь землю провалились. Ну не совсем сквозь землю, а в подвал и на соседнюю улицу, а там в автомобиль и, не торопясь, дальше.

Правда, и не следил никто, и за Ранке никто не следит. Но эта падаль никогда не бывает в одно лицо и живёт в весьма непростом доме с охраной, почти напротив управления гестапо. Вот только вчера вечером штурмбаннфюреру Ранке это не помогло. Его похитили агенты СД прямо на улице, посадили в машину и увезли.

– Мы знаем, господин Ранке, что вы офицер гестапо. Простая формальность. Господин бригадефюрер хочет вас видеть в неформальной обстановке.

Ну да, ну да. В очень неформальной, прям неформальней некуда. Он бы рыпнулся, но офицер СД сомнений не вызывал, а огромный агент со жгутами мышц, перекатывающимися под лёгким осенним плащом, своим безжизненным взглядом просто парализовал волю штурмбаннфюрера.

Специально «Старшину» перед зеркалом тренировали, так же как и «Фею». Правда, уже в другой комнате. Вдвоём на них без смеха смотреть было невозможно. Кривые зеркала в комнате смеха удавились бы от зависти, а смеяться было нельзя, иначе вся тренировка в балаган бы превратилась.

– О! Вас повысили в звании! Поздравляю! Вас ждёт незабываемый подарок.

Мощную плюху в исполнении «Старшины» назвать подарком смог бы только конченый мазохист, но Ранке спросить забыли. Пусть радуется, что после этого подарка его коньяком обрызгали для правдоподобия. Допросить Ранке не удалось. «Старшина» сгоряча засадил ему в машине второй раз локтём, сломав челюсть, и, судя по его перекошенной роже, в двух местах. Так что в машине Ранке уезжал в нирвану дважды.

Группа поддержки, увидев штурмбаннфюрера СС при полном параде, чуть не прослезилась всем составом. Для них гестаповский упырь – это подарок, как для малыша леденец на палочке. Впрочем, выглядел Ранке на металлическом штыре, забитом в землю на заднем дворе внезапно скончавшейся старушки, как чупа-чупс.

Ребята посадили штурмбаннфюрера на толстую арматурину стремительно, но подозреваю, что уже мёртвого. Сам я этого не видел. Мы с «Сержем» и «Феей» в это время скандал на улице изображали. Надо было слышать, как «Фея» орала на «Старшину» и «Сержа». Я был большим начальником в изрядном подпитии. Говорю-то я не очень, вот и изображал невесть что, но прокатило, как по нотам.

Листовку вешать не надо. Все и так знают, что это «Второй». Он так не любит гестаповцев. Хотя ладно, уговорили, пусть и здесь будут листовки. Неудобно Ранке на металлическом штыре и обидно. Зато вид хороший, прямо на реку. На Западную Двину в смысле.

– Фото на память, штурмбаннфюрер! Вам привет от вашего бывшего подчинённого.

Елагину очень понравятся фотографии, и он убедится, что я всегда выполняю свои обещания.

Нет. Это не так легко, как кажется, и группе поддержки нелегко, но я специально изучал маршруты движения. Одежда, документы, аксессуары, сменные автомобильные номера. Машины мы меняли часто, а комплекты номеров привезли с собой. Пойди найди в городе машину, у которой только что сменился владелец и номера, а на капоте появилась свежая вмятина и треснувшее заднее стекло.

Сам бывший владелец машины двумя минутами ранее переселился в канализацию, эта неприятность случилась с ним вместо дружеской беседы с милой и почти доступной барышней у неё дома. Весёлый гауптман, спесивый майор, чопорный полковник с услужливым ефрейтором, остроумный унтершарфюрер, и это далеко не полный список наших внезапно скончавшихся и почти добровольных помощников.

Мы прорабатывали каждый район и нигде более четырёх дней не останавливались, исключение составил дом у реки. Почему? Потому что полицейского информатора там зарезали ещё до нашего появления. Вместе с тем фельдфебелем, который искал дом этого самого информатора. Вот они вдвоём купаться и отправились. Заодно мои ребята картой города разжились.

Полицейский на нашей улице даже боялся смотреть в нашу сторону. Где он, а где начальник отдела управления гестапо со своей малолетней любовницей. Документы «Сержа» он увидел на второй день, а увидев эту надменную белобрысую тварь, ему вдруг резко захотелось оказаться на другом конце города. Незадолго до нашего ухода полицейский с двумя своими приятелями повесился в сарае. Нашли их только через три дня. На каждом трупе была приколота штыком листовка с полным перечнем наших предыдущих художеств и моим клятвенным заверением не останавливаться на достигнутом результате.

Что значит не сидели больше четырёх дней? Вот так. Фургон переезжал с места на место, двигаясь по улицам города в нужных нам кварталах и останавливаясь в квартирах убиваемых группой поддержки упырей. Наших основных квартир было четыре. Первая – рядом с полицейским управлением, в которой мы прожили пять дней. Две – рядом с людьми Елагина, и одна на неприметной улочке, рядом с лавкой «тысяча и одна мелочь», в которой Давид изготавливал напалм. Там группа поддержки прожила последние три дня, подготавливаясь к нашему заключительному аккорду. Уйти, не хлопнув напоследок дверью, было бы невежливо.

Было и два дома. Первый – тот, в котором группа поддержки жила в самом начале, то есть первые шесть дней. Это было самое опасное время. Именно поэтому там жил «Серж» с непробиваемыми документами и одним из жетонов СД.

Второй жетон СД был у меня, но им пришлось воспользоваться только один раз. Половую принадлежность подобные жетоны не проясняют, на нём только свастика и номер. Гестаповские жетоны похожи на жетоны СД – надписи только отличаются. Документы у их обладателей обычно не проверяют, спросить могут только при комплексных облавах всего района или квартала. Но и в этом случае не наглеют – можно нарваться. Да и уважение жетоны СД вызывают нешуточное.

Для этого я и поставил грузовик прямо под окна квартиры. Мне нужно было понять, обратят ли на него внимание. Как ходят полицейские патрули? У кого они проверяют документы? Могут ли полицаи обратиться к немцам и проверить у них документы и многое, многое другое. Для работы в городе, захваченном противником, необходимо огромное количество деталей и мелких нюансов, которые пришлось узнавать по ходу дела. Наши документы не были идеальными, они никогда не прошли бы проверку в комендатуре, а мы давно не были в оккупированном городе, но мы и не ходили в форме там, где шарятся патрули фельджандармерии.

Группа поддержки так и работала. Выбиралась, к примеру, лавочка. Около неё останавливался грузовик, из которого, неспешно разминая конечности, выходили четверо полицейских. После чего лавочка закрывалась, и группа поддержки жила в ней два или три дня, как пойдёт, наблюдая за нужным домом и собственным грузовиком. Не просто жила, а вырезала для проверки парикмахерскую с клиентом и наблюдала за суетой вокруг.

Одну парикмахерскую спалили вместе с четырьмя латвийскими карателями напалмом. Весело один упырь, облитый напалмом, метался по улице. А орал-то как! В конце концов его пристрелил немецкий офицер, к которому упыря принесли ноги, глаза у него к тому времени уже выгорели.

Жестоко? Да, жестоко, но необходимо. В такой суете проще отследить наблюдателей и топтунов гестапо и местной полицейской охранки. Обычные уголовники ведь никуда не делись, и ими как раз занимается уголовная полиция города, реорганизованная немцами в политическую полицию, то есть гестапо.

Получается, что в любом оккупированном городе в любой стране гестапо использует уже готовую структуру слежки за жителями, опираясь на местные кадры. Тем более что в Литве, Латвии и Эстонии эти местные кадры сами предлагают свои услуги и свою сеть осведомителей.

В полицейской охранке Риги тоже есть свои информаторы, негласные агенты и переодетые полицейские. Так что мне пришлось использовать нестандартные методы наблюдения за объектами, а иначе нам проще самим в гестапо сдаться. С табличкой «Группа «Второго» на груди.

Минувшей ночью мы ограбили и убили владельца ювелирного магазина, немца, а над ним жил гестаповец, который крышевал магазин, ну, или был в доле. Разницы нет. Вот на его трупешник мы и прилепили очередную листовку с перечнем наших художеств и в магазине оставили парочку. Минимум сутки у нас были.

О самом магазине мы узнали случайно. «Серж» зацепился языком с гестаповцем прямо рядом с магазином. Зашёл, купил портсигар, восхитился предприимчивостью.

– Ничего личного, господин оберштурмбаннфюрер, только бизнес. Помните меня? Неделю назад вы продали нам серебряный портсигар. Не подошёл. Впрочем, неважно. Вам привет от «Второго».

Всего за сутки мы вырезали обитателей четырёх многоквартирных подъездов. Работали, разбившись на две группы.

Интенданты, связисты, штабные офицеры, офицеры полицейского управления, гестаповцы. Попали под раздачу в основном военные чинуши – трутни войны. У них ничего не спрашивали. Гестаповский офицер или юная девушка звонили в квартиру. Затем выстрел из револьвера с глушителем, удар ножом, быстрый осмотр помещения, листовки – и в следующую дверь на лестничной площадке. Всё, что выгребали из квартир, сгружали в многострадальный фургон-склад. Не жалели никого, сами квартиры закрывали на ключ.

Ну а следующей ночью уже привычная всем развлекаловка. Пришлось предварительно побегать. Пока всё приготовили, чуть было всем составом, улыбаясь, не зажмурились – недалеко от станции попался недоверчивый патруль из шести человек. Хорошо, оружие с глушителями, удалось всех втихую перебить, но чуть не запалились.

Четыре бортовых грузовика без тентов. В каждом по пять двадцатилитровых стеклянных бочек с напалмом и по большому фугасу. Последние несколько дней Давид трудился как проклятый, такой производительности любая бетономешалка позавидовала бы.

Склад тылового обеспечения воздушного флота. Мы три дня подходы к нему разведывали. Хороший склад, большой. Сапоги, форма, парашюты, продукты, отделение охраны и хлипкий шлагбаум на въезде.

Казарма батальона охранной дивизии. Опять упырям не повезло. Они совсем недавно заняли одно из общежитий завода, выгнав обитателей на улицу. Классный там дом. Любят в этом времени из дерева строить. Хорошо гореть будет.

Склад боеприпасов полицейского управления. Удачно нам попался один из заместителей начальника этого управления. Случайно, но это дела не меняет.

Плюс отделение гестапо. С этим проще. Гестаповцев за последние несколько дней мы перебили несколько штук, так что информации по районным отделениям надоили много. Было из чего выбирать.

Все объекты в одном районе, недалеко от грузовой станции. Взрывы ночью, почти одновременно, сбор в нашем фургоне. Нет, не на станции. Что мы там забыли? Она здорово охраняется. Фургон стоит на кладбище, он целый день здесь стоит. Чуть дальше стрелка, поезд идёт очень медленно. Есть и часовой. Он останется жив. Мне так надо. У часового заберут деньги и снимут часы с руки. Оружие? Зачем бандитам оружие? Партизан вешают. Да и нам его винтовка ни к чему, и так загружены по полной программе.

Только через двое суток при прочёсывании пригорода группа полицейских обнаружит одиноко стоящий грузовик. При взрыве погибнут четверо полицаев и ещё двое получат ранения, грузовик сгорит дотла – у нас ещё оставался напалм. Листовки вокруг кладбища немцы обнаружат позднее.

К этому времени мы уже отцепили последний вагон от поезда и сошли с попутки. Предстояла долгая дорога домой. Жаль, запланированный мной спектакль не получился, вернее, обошлись без него, но и так представление удалось. Презентация отряда «Второго» в отдельно взятом городе прошла на

«ура». Ну и что, что было много недовольных? Так ведь всем не угодишь. Клаусу, Давиду и «Фее» понравилось, а мастера будут просто счастливы.

В последнюю ночь в Риге у нас погибли два парня из группы поддержки, правда, командир группы – пограничник – остался жив. И слава богу! Не люблю я, когда убивают пограничников, их и так осталось слишком мало.

Глава 3

Ноябрь 1942 года

Я часто прихожу сюда. Прихожу, сажусь на скамейку и молча смотрю на замёрзшее лесное озеро. Независимо от погоды. Снег, мороз, ветер не беспокоят меня, только мёрзнет перебитая рука, стынут пальцы, а остальное мне не мешает. Боль внутри меня сильнее. Когда я здесь, никто не подходит ко мне, даже «Серж». Многие, наверное, просто боятся. Я уже давно отошёл, просто мне здесь легче. Легче, чем с людьми. Меня все пытаются утешить, заглядывают в глаза, участливо вздыхают рядом со мной. Жалеют «Командира».

Группу «Руля» уничтожили всю под Екабпилсом. Ребята отбивались на хуторе до последнего патрона, а потом подорвали себя гранатами. Обезображенные тела немцы повесили на центральной площади города, сфотографировали и по всем деревням вывесили листовки.

Из группы «Стрижа» остался в живых один «Гном». Где погиб «Стриж» и его ребята, он не знал, а Арье умер у него на руках. Бросив машину, они разделились. «Стриж» и двое его ребят ушли в сторону Литвы, а Арье и «Гном» – по дороге на Екабпилс. Больше о «Стриже» ничего не известно.

Арье с «Гномом» нарвались между Даугавпилсом и Краславой. В крайний дом в маленькой деревушке ранним утром нагрянули полицаи. Нет, ребята ночевали не в доме. Хозяева даже не знали, что мальчишки у них в сарае. Полицаев ребята перебили, вот только их оказалось не пятеро, а семеро. Две телеги, семь полицаев, двое просто проехали дальше в деревню и остановились у четвёртого дома. Арье получил пулю в спину на самом краю леса. «Гном» вернулся, убил

обоих упырей, загрузил ещё живого Арье на телегу, только для того, чтобы отвезти его подальше и похоронить в лесу. Двое разведчиков Зераха после взрыва на станции растворились в пригородах, у них было ещё одно задание.

Зерах добрался до базы живым, с ним пришло шестнадцать человек. Не было только групп «Девятого» и «Меха». Они оба остались в Риге. Это «Мех» взорвал поезд вместе с пролётом моста ценой собственной жизни. Пятеро бойцов его группы отбивались до последнего патрона, отвлекая охрану моста от устанавливающего фугас командира. Всё это видели разведчики и снайперы Зераха, его группы прикрытия оставались в городе до последнего.

«Девятого» убили ещё летом в одной из разведок. Где он похоронен, никто никогда не узнает – вся его группа погибла при возвращении.

Я часто прихожу сюда. Смотрю на замёрзшее озеро и думаю: что я сделал неправильно? Где ошибся? Или всё же немцы переиграли меня? Неужели надо было сделать ещё несколько землянок для эксфильтрации групп? Там, рядом с Ригой, чтобы группы пересидели облаву.

Мы столкнулись с полицаями в лесу. Чуть ли не лоб в лоб. Совсем недалеко от нашей базы. Были ранены командир группы поддержки и «Батя». Я был на левом крае вместе с «Сержем», и мы сразу стали уходить влево, перекатываясь от дерева к дереву. Оторвались, перебив преследователей, и вернулись, ударив полицаям, зажавшим наших в небольшом овражке, в спину.

Костя-пограничник и его напарник, «Батя», Давид и «Фея». Пуля попала девочке в грудь и вышла из спины. Крови было столько, что остановить её удалось не сразу. Клаус перевязал, но кровь всё шла, а «Фея» не умирала. Она ждала меня. Только увидев меня, она улыбнулась, с всхлипом вздохнула и не выдохнула. Я потерял сознание мгновением позже. Двадцать шесть упырей и пять близких, родных мне людей.

Я часто прихожу сюда. Здесь, на том берегу озера, в густом лесу, похоронены Давид и «Батя». Кроме меня, в голову был ранен Клаус. Не сильно, пуля только сорвала кожу, но крови он потерял много, так как перевязаться не успел. Спасло нас только то, что земля уже промёрзла, а снег ещё не пошёл. Всю дорогу меня несли на руках. Меня и «Фею». Оттащив нас чуть дальше в лес, «Серж» сбегал на базу за помощью. С нами оставались раненный штыком в бок и забитый

прикладами до полусмерти «Старшина» и едва держащийся на ногах Клаус.

Где похоронили Сару, я не знаю. У неё не раскрылся парашют. То, что похоронили в безымянном лесу, уже не было Сарой. Её орден Боевого Красного Знамени Тамир отдал мне. Она сама хотела мне его подарить. «Ода» до сих пор не подходит ко мне, я же возложил на него ответственность за Сару. Зря. Он-то чем виноват? Судьба.

Сегодня я в последний раз пришёл сюда. Только эти две девочки делали меня здесь человеком. Только для них я жил привычной жизнью. Семьёй. Я пытался создать им то, что они потеряли в июле сорок первого. Так, как я это вижу. Моя маленькая «Фея» лежит в землянке, спелёнутая как мумия. Надо идти к ней, я не оставляю её одну надолго. Рука у меня заживает, надо приводить себя в форму. Война ещё не закончилась.

* * *

Полторы недели «Фея» лежала без сознания. Никто не верил, что она выживет. Ранение для этого невесомого ребёнка было такое, что она должна была умереть ещё там, в осеннем промерзлом лесу, но она жила. Жила вопреки здравому смыслу. Да и врачи опять сделали невозможное, влив в неё немереное количество крови и почти полностью раздербанив мою аптечку. К тому же «Серж» сразу сделал и ей и мне по уколу промедола. Я пришёл в сознание много раньше, хотя получил четыре ранения. Перебив свою группу полицаев, я, отбросив автомат, пошёл напролом, стреляя из пистолетов с двух рук.

Говорят, что упыри уже дошли до ребят и добивали «Старшину» прикладами, когда сзади нарисовался я, ненамного опередив «Сержа». «Погранец» сказал, что на то, что осталось от троих полицаев, невозможно было смотреть без содрогания. Я не помню. Добравшись до «Феи», я потерял сознание и пришёл в себя только через два дня. Я считаю, что «Фея» выжила только благодаря «Старшине», который стоял перед девочкой насмерть, и Клаусу, который, несмотря на бой и своё ранение, успел перевязать её, а потом закрыл девочку своим телом. Пока она жива. Придя в сознание, «Фея» нашла меня взглядом и опять потеряла сознание. Я так и живу около неё, не отходя надолго, меня меняют Эстер и Роза.

Я ни в чём не ошибся. Упыри сменили тактику. Они перестали передвигаться маленькими группами, я просто не знал об этом. К тому же плотность ищущих нас крупных отрядов была очень велика. Разумеется, они просчитали, что мы сидим где-то в этих районах, но до сих пор ищут нас около Резекне, Даугавпилса и Краславы, периодически обыскивая прилегающие леса и переворачивая ближайшие к городам посёлки. Никому и в голову не может прийти, что мы базируемся в двадцати километрах от охраняемой зоны, среди полей и прозрачных перелесков. Только это до сих пор сберегает отряд как охранная грамота. К тому же мы ни с кем из местных не связаны, и сдать нас просто невозможно, наиболее активных полицаев мы выбили ещё весной и летом.

Разведгруппа из Москвы так и сидит на второй базе. Большинство курсантов переведено к нам. На той базе я оставил только тех, кого «Погранец» счёл необучаемыми. Таких немного, в основном это взрослые мужики, которых теперь от скуки гоняют бойцы разведгруппы. На остальных «пионерах» ездят все кому не лень, уже и «Серж» подключился.

Из разведок «Погранец» притащил ещё двадцать два человека. Выбивая четыре хутора, освободил девятерых. Два хутора, увидев рабов, он уничтожил по собственной инициативе. Это у всех моих бойцов рефлекс. За рабов хозяев вешают, если берут их живыми, причём всех, и мужчин, и женщин. Изредка оставляют живыми детей, да и то совсем маленьких, подкидывая их в соседние деревни и хутора. Заодно «Погранец» и продуктами разжился, и новые землянки построил.

Пока не было снега, его группы очень плотно работали по пригородам Резекне и окрестным деревням, уничтожая полицаев по прошлогодним допросам. Заходили даже в сам город. Из одной такой наглой разведки бойцы пригнали два грузовика продуктов, в основном крупы и консервы, и вместо поощрения получили неделю самых тяжёлых и грязных хозяйственных работ. Не вернувшись на точку сбора, «пионеры» сразу уехали на базу, а наседка «Погранец» чуть не сошёл с ума, разыскивая их по пригороду.

Звездюлями, которыми наградил наших героев «Погранец», можно было в несколько слоёв покрыть кремлёвскую стену, но они показались им лёгонькой щекоткой, после того как к воспитательному процессу подключились едва держащийся на ногах «Старшина» и осатаневший от сидения на базе Авиэль. Сейчас все притихли. Идёт тяжёлая напряжённая учёба.

Два моих конспекта по рукопашному бою, написанные прошлой зимой, давно затёрты до дыр. Один, оставленный как базовый и постоянно дополняемый мной, переписывается девчонками и Авиэлем постоянно. «Серж» со «Старшиной» и «Погранцом» на него разве что только не молятся. Летом я добавил в него элементы стрелковой подготовки и базовые принципы системы Кадочникова. Если меня убьют, это пропасть не должно.

Отношения с разведгруппой у отряда не сложились. Едва появившись на базе, командир разведгруппы принялся устанавливать свои порядки. В первую очередь он попробовал выйти в эфир на притащенной с собой рации, хотя я изначально запретил это в своих инструкциях. Видимо, он посчитал, что его инструкции важнее.

Зная моё отношение к радиосвязи, «Ода» попробовал возразить, но его просто послали. Тогда «Ода» прострелил рацию и пригрозил прострелить голову командиру разведгруппы. С учётом того, что разведчиков было десятеро, а «Ода» был только с Тамиром и Даиром, это было очень смелое заявление, но «Ода» спокойно, не повышая голоса, сказал:

– Вперёд, ребята. Посмотрим, как вы сдохнете здесь от голода, когда к вам никто не придёт на связь, а если вернётесь обратно, вас всех поставят к стенке за невыполнение приказа.

«Ода» знал, что говорил. Гибель Сары поставила разведгруппу в точку невозврата. Связной, пришедший на базу, узнав о гибели Сары, почернел. То, что он сказал командиру разведгруппы, тот никому не передал, но настроение у него сильно испортилось.

Узнав о радиосвязи, связной искренне огорчился, предложил починить рацию и, взяв её за ремень, раздолбал рацию о сосну. Слова, которые при этом произносил связной, интеллигентно называются грязной руганью, а эпитеты, которыми связной наградил командира разведгруппы, радист позже записал на бумажке. Он никогда такого не слышал, хотя вырос в Марьиной Роще.

Связной ушёл, оставив «Оду» с Тамиром и забрав Даира. Через несколько дней связной вернулся с четырмя совсем молодыми пацанами, приблизительно возраста Тамира, и забрал «Оду» с напарником. Инструкции, которые он оставил, были просты и понятны: ждать. «Командир» не вернулся. Сидеть и

ждать, не высовываясь. Война? Ваша война – встретиться с «Командиром», если он захочет вообще с вами разговаривать, если не захочет, известим, так не бросим. В любом случае он оставил для вас информацию, отдадим, когда сочтём нужным. Не устраивает? Вон сосна, верёвку дадим. Ещё вопросы? Вот так-то.

Оказалось, что четверо приведённых пацанов пришли не просто так. Когда командир разведгруппы собрал группу на погулять по окрестностям, строчка короткой очереди едва не перерубила ему ноги. Когда мальчишки навернули «глушаки» на автоматы, никто не заметил. После чего старший группы просто сказал:

– Ещё одно нарушение приказа, и идите, ребята, за линию фронта, мы передадим, чтобы прислали других – посообразительнее. «Командир» сказал, что вы всей страной нам уже должны. – Эта фраза показала, что мифический «Командир» существует, вернулся, но у него много других дел, по сравнению с которыми приказы из Центра – пустое сотрясение воздуха. Деваться было некуда, оставалось только ждать. Посылку, которую через «Оду» передали командиру, забрали почти сразу.

Как из перелеска исчезло пятьдесят белых маскхалатов, семьдесят глушителей и триста взрывателей, никто из разведгруппы не заметил. Впрочем, ночью в дозоре были «Ода» с Тамиром, а этих мальчишек начали уважать ещё там, на Большой земле. Награждение шестнадцатилетнего мальчишки орденом Боевого Красного Знамени в сорок втором году было невероятным событием, а знания и умения этой группы были просто поразительными.

В один прекрасный день пришёл связной и забрал из лагеря одного из радистов и двоих разведчиков. Причём назвал их по именам, сразу предупредив, что им завяжут глаза, иначе их только убивать.

С появлением на базе Даира Роза с Эстер, ставшие у нас штатными радистами, получили волну и шифры для связи с Центром. При наличии у нас трёх раций можно было связываться с Центром когда угодно, но делать этого пока никто не собирается. Как только мы перебрались на эту базу, первым делом я приказал построить в лесу несколько землянок. Одну из них – для радистов, ещё одну для их охраны.

Когда на базу пришёл Виталик, он сразу сделал подзарядку для радиобатарей, так что теперь мы не зависим от разведцентра. Впрочем, отсюда никто ничего передавать не собирается, девчонки работают только на приём. Радисты, которых мы освободили в лагере, оказались неплохими учителями, и теперь у меня три девочки-радистки: Эстер, Роза и маленькая Тая. Девочка, которую притащил летом Давид. Ей пятнадцать лет, то, что она перенесла, не знает никто, я запретил её расспрашивать.

Девочка потихоньку восстановилась, но мужиков не воспринимает на генетическом уровне. К землянке радистов посторонние просто боятся подходить. Оружия у Таи пока нет, но топор всегда под руками, даже когда девчонки ходят в туалет. Исключение составляют «Старшина», Марк, Авиэль и, что самое странное, я.

Видимо, меня не обсуждает в кулуарах только ленивый. Впрочем, в данном случае всё яснее ясного. На месте боя первым оказался «Погранец» со своими ребятами, они подтянулись на звуки боя, а отношения между Эстер и «Погранцом» подходят к финальной стадии знакомства. Так что, если бы не Тая, у нас в скором времени появился бы маленький «Погранец».

На сеансы радиосвязи радисты с группой прикрытия ходят, бывает, по сорок километров в один конец, ответную передачу получаем через четверо суток в определённое время. Пока сбоев не было, идёт интенсивный радиообмен. Как я и предполагал, меня пытаются развести на информацию на пустом месте, а я, в свою очередь, потихоньку сливаю агентов Елагина, требуя необходимое мне оружие, боеприпасы и инструменты.

Нашу операцию широко осветило Совинформбюро, подставив поляков по полной программе и озвучив девять польских фамилий. Всех этих классных ребят даже наградили. Был запрос и нам по поводу награждений, и мы с «Сержем» слили целый список своих бойцов, в основном погибших. Неожиданно в список попал и «Серж», хотя представление на него я не посылал, просто ещё в посылке перечислил операции, в которых он участвовал, и ему по совокупности вдруг присвоили звание Героя Советского Союза, немало его поразив.

«Серж» ходил как мешком пришибленный три дня и глупо улыбался, пока мне это не надоело. Пришлось объяснить ему, как я это вижу, и радость у него поутихла. Звание майора госбезопасности он получил несколько ранее. В список награждённых попали все «старики». С согласования с людьми я рассекретил

«Старшину», «Погранца» и большую часть его ребят, «Восьмого», «Белку», Зераха и его группу, «Гнома» и Эстер с Иланой и Розой. На «Меха», «Стрижа», Арье, «Батю», Давида и остальных отослал награждения посмертно. Утвердили все мои представления, а я совсем не скромничал.

Следуя старому армейскому принципу, просить всего и больше раза в три, может, дадут хотя бы треть, я так и сделал, выписав представления за все операции, которые прошли за эти полтора года. Так же отсылал и запросы по оружию и боеприпасам. Запас карман не тянет, а людей мы за прошедшие месяцы набрали много. Я не сильно обольщаюсь, но, пока мы нужны, ребят не тронут, а я обязательно сделаю так, что буду нужен ещё долгое время после войны.

Передавая Елагину посылку, я получил посылку и от него. Хозяин магазина был истинный профессионал – посылку для меня держал прямо под руками. Мою игру он принял сразу после произнесения второй части пароля, его часть пароля была не звуковая. Этому старому боевому офицеру надо было почесать щёку: левую – всё в порядке, правую – готовьте, ребята, гранаты, к нам всем подкралась выпуклая часть спины. Хорошо, что он не перепутал, первым бы там и лёг. «Фею» он так и не просчитал, считая её за девицу очень лёгкого поведения, взятую мной для мебели. Её вообще там никто иначе не воспринимал. Многие до самой смерти.

В общем и целом, связь я получил с обеих сторон. Мама Елагина выжила, Сара, Тамир и «Ода» её видели. Фотография, что я взял у Елагина весной, благополучно вернулась обратно с «Одой» и её подписью. Елагина-старшая дважды выходила в эфир, читая стихи по радио. Так что можно было начинать играть в шпионов, но мне очень не нравилась вся ситуация в целом. Очень. Поэтому, как только «Фея» превратилась из мумии в иногда жующую личинку, я перестал горевать и вызвал Клауса, Даира, Тамира и «Оду». После чего нарисовал им круг задач и отправил пробежаться по заснеженным лесам в компании с «Погранцом».

С разведчиками я не встречался. Наладив связь с разведцентром, я отдал разведгруппе рацию с танка, она маломощная и далеко не достаёт, а вот до нас добивает. Приказ у них прежний – ждать. Раз в неделю в обозначенное время с ними связывается мой радист. Пока мама Елагина не окажется минимум в Англии, они будут сидеть в лесу.

Княгиня Елецкая давно бы там оказалась, но это зависит не столько от неё, а теперь только от Елагина, а он пока не выбрался из-под опеки немецких агентов. Как только Елагин даст «три зелёных свистка», в Москве получат свою информацию, но никак не раньше. Это известие им принёс Авиэль в одну ненастную погоду. Принёс известие, привёл смену дежурных, сидящих с разведгруппой, и забрал ещё троих автоматчиков.

Именно Авиэль тот самый связной, который общается с разведгруппой с самого начала. Своё мнение о командире разведгруппы Авиэль высказал мне достаточно эмоционально и на общем собрании. Это была весьма необычная характеристика, состоящая из двадцати двух накатов с переборами в шестнадцатой степени. В этой удивительной речи цензурными были только предлоги и местоимения.

У Авиэля не только руки золотые. У него такой словарный запас, и он так своим запасом в гневе пользуется, что группа филологов из восемнадцати человек влёгкую защитит по паре диссертаций, а Виталик у него специально уроки ненормативной словесности (лексики) брал.

Наша прогулка по Риге была высоко оценена мастерами. Около кровати «Феи» толпой чуть ли не на коленях стояли седовласые мужики и со слезами на глазах смотрели на лежащую на кровати юную девушку. Теперь паломничество превратилось в чёткую систему дежурств. Сначала сидели у нас двоих, теперь, когда я всё чаще отсутствую, дежурят у «Феи». Теперь для них это пост номер один.

Сами мастера делают оружие. Если быть точным, они делают оружие для моих спецопераций. Глушитель на винтовке АВС только у меня – он слишком сложен в производстве. Все снайперы используют немецкие карабины и снайперские винтовки Мосина. Они отличаются от стандартных винтовок и карабинов кучностью стрельбы. Поэтому основное задание, которое я озвучил в апреле прошлого года всем рейдовым группам, – это найти материалы для производства глушителей на СВТ и АВС. Когда у тебя ресурсы огромной страны, это сделать достаточно просто, а вот когда ты в лесу и у тебя из стратегических запасов только золотые руки уникальных мастеров, приходится крутиться.

С появлением связи с разведуправлением мы стали получать посылки с Большой земли. В первую очередь я заказал необходимые нам материалы и инструменты. Видно, в разведцентре сильно удивились. Обычно питание для рации

заказывают, медикаменты, продукты, а мы инструменты и железки непонятные. Правда, получил я и взрывчатку, и запалы с различным временем замедления, и гранаты Ф-1, а то они у меня заканчиваются. Я сделал это, чтобы снять большую часть рутинной нагрузки с «Восьмого» и остальных мастеров.

Мне нужны СВТ и АВС с глушителями. Такие винтовки только у меня, «Феи», «Рыси» и у десятка командиров разведгрупп, а мне нужно ещё как минимум четыре десятка. Это оружие для следующего лета, в основном для группы Зераха, которую я максимально увеличиваю. Группа усиленно учится и тренируется. Только Зерах и ещё несколько человек знают, что я задумал на весну и лето, поэтому ребята молча выполняют мои приказы. Они знают, что всё, что они делают, не просто так.

Посылки мы получаем далеко от базы, большая часть тут же убирается на месте до весны. Занимается этим «Погранец», только на него и его ребят сделаны чистые документы для движения по дорогам. Проверку эти документы проходили неоднократно, пока всё спокойно. Занимается «Погранец» и сопровождением радистов, но мы крайне редко выходим на связь и в основном работаем только на приём. За ноябрь и декабрь в особенно сильные снегопады «Погранец» семь раз «обидел» железные дороги максимально далеко от нашей базы и четыре раза нахулиганил на дорогах в особенно длинные радиосеансы. Под Екабпилсом он даже радиолу на фугас посадил, радиопеленгатор в смысле. Хоть и почти случайно получилось, но теперь очень гордится – радиопеленгатор в активе только у него.

Это, конечно, борзота неимоверная. Я, когда узнал, в осадок выпал, но потом признал, что придумано оригинально. Зима же. Снега по пояс. На дорогах двум машинам не разъехаться. Ребята «Погранца» загнали на дорогу сани, закупорив проезд наглухо, а на обочинах в сугробах установили направленные фугасы, приблизительно на одном расстоянии друг от друга.

Пеленгатор и два грузовика с пехотой ушли в минус. На дороге не просто фугасы стояли, а аналоги наших монок, набитых болтами и гайками. Только килограммов по пятнадцать каждая. Был в охране и броневик. То, что от него осталось, пошло сразу в металлолом. Нарвался он на фугас, стоящий прямо на дороге и активировавший все остальные фугасы. Так что снайперы «Погранца», сидящие в засаде прямо в открытом поле на противоположной стороне дороги, остались без работы, но документы с боеприпасами собрали.

Вырос «Погранец». Пропала безбашенная лихость, улетучилось желание ходить в штыковую атаку, но появились звериная осторожность и трезвый холодный расчёт. Потеряв чуть больше чем за год полтора десятка своих друзей, этот парень стал больше ценить подготовку к любому боевому выходу. Теперь он просчитывает каждый свой шаг, и я почти перестал его контролировать, хотя он и приходит ко мне перед каждым выходом и после выхода приносит подробнейший отчет, который мы разбираем на занятиях с командирами групп.

Это здорово помогает при планировании последующих выходов, да и для планирования летних операций пригодится обязательно. Основа всех рейдов – разведка, и я наношу на карту районов все уточнённые данные. Так у нас появились данные о двух базовых аэродромах и двух аэродромах подскока, тройка мелких складов боеприпасов, полтора десятка комендатур, полицейские участки с количеством расквартированных полицаев и карателей, тыловые немецкие подразделения, линии связи и прочая необходимая для нашей дальнейшей работы информация.

Всё это скрупулезно обобщают и фиксируют Марк и Авиэль. Они у меня местные и знают различные мелкие детали, которыми позднее делятся с командирами рейдовых групп. Все остальные группы пока сидят на базе. Я по-прежнему держу отряд в ежовых рукавицах. Никто никуда не ходит, но пашут все так, что сил у них остаётся только на еду и сон.

Показывая упырям города Риги истинное лицо войны, я стремился к одной-единственной цели. Помимо выполненных нами задач, мне было необходимо отвлечь внимание немцев от района своего зимнего базирования. Рига – самый большой город в Латвии. За несколько зимних месяцев гестапо в нём утихомирится, летом мы нашумим в месте своего постоянного базирования и в середине лета перебазируемся туда. А по весне под Ригу уйдёт Зерах. С ним переберётся «Старшина» с Розой и рацией и большая часть мастеров. Пора пользоваться связью и своими умельцами.

То, что я задумал, масштабно и неожиданно. Побродив по городу, я понял, что этим городом остро необходимо заниматься всерьёз. Всё, что мы награбили за наше короткое посещение, с собой не привезли. И драгоценности, и оружие, и документы, и одежду, и форму мы сложили на кладбище. Зря, что ли, машина целые сутки там стояла? А перед этим группа поддержки готовила тайники. Так что в последний день, прикопав в одной из могил смотрителя, ребята убрали всё, что мы намарадёрили, в тайники.

Даром, что ли, я военных и полицейских трутней резал? Упыри мне документы не выдают, приходится самому своих ребят обеспечивать. По весне, перекинув туда умельцев, мы достанем мою заначку и спокойненько, не напрягаясь лишнего, выправим разведчикам документы.

Денег мы много набрали, фотопринадлежности и всё необходимое для работы мастеров «Старшина» купит на месте. Зерах, аккуратно вырезая окрестных полицаев, будет разведывать объекты по моему заданию, а «Старшина» и его специальная группа, которую он сейчас усиленно готовит, будет заниматься непосредственно городом. Пока тоже разведкой и подготовкой к масштабным диверсиям.

Я же, в свою очередь, примусь за старое, но так, как планировал в прошлом году. Раздёргивая внимание немецкого командования расстрелами упырей и подрывами «железки» в разных районах, я проведу несколько масштабных диверсий на станциях районных городов. К тому же, если мне не изменяет память, карательная операция против белорусских партизан начнётся как раз в конце сорок третьего.

Вот для этого я и готовлю СВТ и АВС с глушителями. Просто установка глушителей и снайперских прицелов на АВС – это достаточно сложный процесс, связанный с конструктивными особенностями самой винтовки, а винтовки СВТ с «глушаками» пока только у нескольких бойцов «Погранца».

К стрельбе из АВС с оптикой надо приноравливаться, поэтому большая часть моих снайперов стреляет из немецких карабинов и «трёхлинеек», а при установке оптического прицела патроны приходится вставлять по одному, соответственно, ни о какой скорострельности не может быть и речи. Пять патронов – это, если повезёт, пять убитых упырей, но десять и быстрая смена магазина – значительно лучше. Конечно, при использовании глушителей падают точность и дальность, но при работе из засад это не существенно. «Рысь» готовит отдельную снайперскую группу, которая будет заниматься только карателями. Группу будем наводить мы с «Сержем».

Чуть позже я заберу и разведчиков из разведгруппы. Как только пойму, кто из них предатель, так сразу заберу остальных к себе. Как я понял, что там сидит засланный казачок? Ну, кто-то же убил Сару. Не сама же себе она камеру основного парашюта пришила и шпильку запасного загнула. Есть у меня

обоснованное подозрение, что и стропы основного парашюта были перетянуты дополнительным куском стропы. Шпильку потом разогнули, а следы остались, и следы от суровых ниток на камере парашюта остались. Если бы не были перевязаны стропы, потоком воздуха нитки могло бы и сорвать.

Это кто-то из своих. Это тот, кто имел доступ к парашютам и не вызывал подозрения. Этот затейник в разведгруппе. Это либо старший группы, либо его заместитель. Это тот, кто оказался рядом с Сарой первым, и тот, кто сидел рядом с ней в самолёте. Вот только надо понять, на кого он работает, на немцев или на хозяина внутри НКВД. Если я не пойму этого до весны, я уничтожу разведгруппу. Всю, до последнего человека.

Откуда я узнал о парашюте? А куда у меня Клаус с ребятами бегали? На место высадки группы. Они не только все закопанные парашюты принесли, но и Сару выкопали и принесли к нам на базу. Сару мы похоронили рядом с «Батей» и Давидом, а вот то, что на ней было, я очень внимательно изучил. Предатель не нашёл то, что Сара несла мне, либо не успел, либо просто не нашёл. Сару обыскивали, но обыскивали поверхностно, до нижнего белья не докопались.

Одна маленькая шёлковая тряпочка с информацией была пришита на левой ноге под коленом, вторая – на внутренней части правого бедра. Именно поэтому с ребятами я отправлял Клауса: он врач, понимал, что делал и для чего. Раз Сару обыскивали, значит, понимали, что искать, просто так в крови ковыряться не будешь.

Кроме этого, «Ода» с «Рысью» нашли и выкопали закладку разведгруппы. То, что командир группы не потащил с собой на место встречи, то есть содержимое второго грузового контейнера. Его нашли, но тут же, прямо на месте, закопали. Где – ни «Ода», ни Тамир не видели, видел Даир, но он промолчал и потом рассказал «Оде».

Всё это тоже сейчас на нашей базе и внимательно изучено мной и «Сержем». Судя по содержимому контейнера, группа планирует захват меня любимого. В контейнере много интересного. Оружие с глушителями и боеприпасы, яды и снотворное, рация и питание, продукты и медикаменты. Может, я и параноик, но лучше перебдеть.

Тот радист и два автоматчика, что у меня сейчас в лагере, выдернуты были не наобум. Допросив «Оду», Тамира и Даира, мы выяснили, что именно эти трое к Саре даже не подходили, увидели её только в яме и были очень сильно огорчены. Как потрясающе красивая девушка, Сара нравилась не только мне. Поэтому я и выдернул их к нам на базу. Попав к нам, разведчики удивились, лишились всего оружия и разбежались по разным землянкам.

Радист живёт со своей персональной охраной, в смысле с конвоем, и ходит на радиосеансы только с ребятами «Погранца», а автоматчики работают инструкторами у «пионеров», живут каждый со своей группой и тоже нигде и никуда не ходят минимум без двоих сопровождающих. Я не говорю уже о том, что мы их тоже больше недели допрашивали, выяснив огромное количество любопытных деталей.

В течение всего года я несколько раз связывался с Елагиным по рации, но первую радостную весть я получил от него только в начале января. Получив короткую радиограмму в условленное время, я всё понял. Елагин до сих пор мне не верил, и только сейчас до него дошло, что у Паулюса нет никаких шансов. Кольцо вокруг группировки, окружённой под Сталинградом, сжималось, и Паулюсу оставалось совсем недолго ходить генерал-полковником. Совсем скоро ему присвоят звание генерал-фельдмаршала, а потом и военнопленного. О чём я Елагину тут же и сообщил, а Елагин прислал необходимую мне информацию. Теперь ему надо было торопиться.

Следующее сообщение я получил двадцать второго января. Сообщение было короткое, но, получив его, я усмехнулся. Теперь Елагин был наш с потрохами. Паулюс получил звание генерал-фельдмаршала, а его войска были в катастрофическом положении. Сообщение гласило: «Я всё понял, простите». Через сутки Елагин прислал «синий свет», что означало готовность к обмену, а ещё через сутки – «красный свет». Он встретился с матерью и забрал её. Скорость, с которой Елагин забрал мать, меня не удивила. Княгиня Елецкая уже более месяца жила в советском посольстве в Лондоне и ожидала только сына. Её отдавали без всяких условий. Ещё через двенадцать часов пришло контрольное подтверждение, означающее, что Елагин подтверждает предыдущее сообщение и приступает к реализации моего плана. Это сообщение подтверждало ещё и то, что он работает не под контролем. Теперь Елагин работал на нас и в то же время на себя и своё светлое будущее. Бриллианты, которые я ему передал в посылке, были на очень приличную сумму, а для большинства людей на этой планете – просто на гигантскую.

Через десять часов в разведцентр ушли координаты месторождения «Мир» и сведения о четырёх десятках агентов Нойманна. Эти агенты не служили в армии, а работали на оборонных заводах и в районных и областных комитетах партии. На сегодняшний день ещё неизвестно, что было ценнее. Информацию я отправил по запасному каналу и запасным шифром. Этот шифр принесла мне убитая немецким агентом Сара. Именно Саре я доверил нести информацию для Сталина, и именно через неё передавалась информация для меня через «Сержа».

«Сержа» я включил в эту игру специально. Оперативник подобного уровня однозначно умел пользоваться шифрами и работать на рации. Кроме того, так мне было проще его обелить и привязать к себе. Ценность «Сержа» перед своим руководством многократно повышалась только рядом со мной, а вот в одно лицо ему припомнили бы прошлые грехи.

Для лучшей координации с нашим отрядом нам и прислали разведгруппу. Информацию, которую я отослал, необходимо было проверить. В разведгруппе был доверенный человек из особого отдела в канцелярии Кремля, а попросту говоря, доверенный человек главы государства. Ещё через пять часов я узнал, кто он.

На базу разведгруппы мы пришли достаточно большим отрядом. Были и все бойцы разведгруппы, «Погранец» со своими, и вообще все «старики» нашего отряда, девчонки, врачи, мастера. Выдернув расслабившихся упырей из землянки, в чём они были, я рассказал историю их падения и приказал «Гному» и «Ежу» приготовить две верёвки и кол.

Резидент Абвера был помощником первого заместителя наркома НКВД, члена ЦК ВКП (б) Меркулова. Взяли резидента сразу же, как только получили от меня информацию о нём. Понимая, что выжить он может, только если будет говорить, он выдал всю свою агентурную сеть.

Немецким агентом был командир разведгруппы, поэтому он так и рвался из лагеря, но немцы не хотели убивать Сару. Она нужна была им живой и невредимой. Потеряв рацию, агент дернулся на выход, но месторасположения основной базы не знал и просто выжидал, надеясь получить информацию позже. Маломощная рация из танка у него была, а вот радиолампы мои бойцы выдёргивали, прятали и выдавали только на сеансы связи. Командир группы бесился, но сделать ничего не мог. Дежурившие на базе ребята получали от

меня и «Сержа» чёткие и подробные указания и никому не позволяли заходить себе за спину.

Убили Сару два разведчика из ревности. Не дала обоим, да ещё и посмеялась, а они на неё поспорили. Это было мне знакомо. У многих в элитных частях съезжает башня от вседозволенности, а здесь спецгруппа НКВД, почти небожители. Одного унизила в столовой разведшколы сама Сара, второму навесил Тамир, а тенью следующий за ним «Ода» добавил ладошкой по печени. Чуть позже ребята выцепили их обоих и пригрозили зарезать их на фиг, а те закусили удила. Нашли мы их с «Сержем» почти сразу, не просто же так мы людей допрашивали.

Ни немецкий агент, ни два так пока ничего не понимающих кобеля из разведгруппы мне были больше не нужны, поэтому я просто кивнул «Сержу». Приговор, и двое задёргались на верёвках. Оставшиеся бойцы разведгруппы были в шоке, они даже рванулись помешать привести приговор в исполнение. Странные они ребята. А «Старшину» с неизменным пулемётом я зачем в сторонке поставил?

Немецкого агента после короткого допроса приготовили к посадке на кол. Для упрощения процесса, так как по зиме деревянный кол в землю не вкопаешь, а тратить на это лом слишком большая роскошь, «Гном» срубил в сторонке небольшую сосенку и заострил её. Агент был русским предателем, а я не добрый НКВД и не гуманный советский суд. У меня к предателям особенное отношение. Так перед строем и сказал. На что услышал давно ожидаемое:

– Да-а-а-а, «Командир»! Не врут о тебе немцы. Действительно на кол сажаешь. Или этот спектакль для меня? – Говорящий это мужик был абсолютно невозмутим, но такого моего ответа не ожидал:

– Могу и тебя для достоверности повесить. Или ты кол предпочитаешь?

Я был абсолютно серьёзен. Не съехал бы с темы, рядом бы повис, но чуйка у мужика была развита отменно. Сменив тон, он сказал:

– Извини, «Командир». Не подумал. Поговорим? – Извинениями там и не пахло, мужчина смотрел на меня изучающе, но мне было по фигу.

– Поговорим, но не здесь, а на нашей базе. В группе остался кто, кому верить нельзя? Кто из них твои люди? Можем верёвки освободить, а то мало с собой взяли. Учти, вопрос серьёзный. Сразу второй вопрос, чтобы тебе думалось легче. Зачем закопали второй контейнер? И не говори мне, что ты о его содержимом не знаешь.

Теперь мужчина посмотрел на меня с интересом:

– Силён, «Командир»! Глазастые у тебя ребята. Не ожидал! – И, не повышая тона, приказал: Ко мне! – Из общего строя разведчиков вышли двое. – Остальные – бойцы разведуправления. Верить можно всем. Не знал, с чем столкнёмся. Не сильно поверили твоей информации, но всё, что ты дал в самом начале, подтвердилось, а твой фонарик здорово озадачил, поэтому прислали группу проверки.

Я снова кивнул «Сержу», и он повёл людей к месту казни, подталкивая пинками воющего сквозь кляп предателя, а мы с порученцем остались у землянки.

Глава 4

7 февраля 1943 года

– Я иду в Екабпилс. В этом городе очень любят вешать мёртвых бойцов из отряда «Второго». Я хочу поближе познакомиться с этими затейниками. Со мной идут только добровольцы. Не более шести человек. На подготовку – два дня. «Погранец»! Радист и его охрана – дополнительно. Они должны будут провести несколько сеансов связи. Информацию для них я приготовил. – «Погранец» молча кивнул. Сопровождение радистов – его основная работа.

– «Старшина»! Расконсервируй две землянки на старой базе и подготовь группу подхвата. Будут на ней базироваться. Задание я дам им сам. – «Старшина» сдержанно улыбнулся – хоть какая-то работа вдали от опостылевшей базы и рутинных тренировок молодняка. О том, что по дороге на ту базу они с «Погранцом» вырежут всех встречных полицаев, можно и не говорить.

Вечером к нам с «Феей» пришёл «Серж». Мы живём вместе, а напарницей себе неожиданно «Фея» выбрала Таю, которая с подачи Эстер сначала помогала мне ухаживать за «Феей», а потом плавно переселилась к нам, взяв под свою охрану ещё и нас. Так что Тая часто обитает с нами – наши землянки находятся рядом.

«Серж» посидел, повздыхал, потом грязно и витиевато выругался. Я вопросительно посмотрел на него. «Серж» притух, потом вызывающе посмотрел на меня и выдал:

– Ты зачем всем про Екабпилс сказал? Да ещё добровольцев вызвал? С тобой весь отряд идёт, включая мастеров, кухарок и «пионеров». До драки чуть не дошло. «Ода» с Тамиром переругались, а они друг на друга даже голос не повышают. – «Серж» в досаде пристукнул ладонью по кровати.

Блин. Это я не подумал. Торможу. Ладно, погасим. Мне нужны только четверо. «Ода» с Тамиром по-любому останутся.

– Да. Это я накосорезил. Извинись за меня. Ты пойдёшь?

«Серж» хмыкнул и постучал пальцем себе по виску:

– Кто же тебя одного отпустит? – Ну да. Это я ступил. «Серж» да «Гном» – мои естественные телохранители. Без них меня «Фея» из лагеря не выпустит.

– У «Оды» с Тамиром есть другое задание. Позови их сейчас. Кого берём четвёртым? – Понятно, что третий – «Гном». Это вообще никем не обсуждается. Можно было бы взять «Рысь», но кто мне будет гонять «пионеров»?

В рейде «Рысь» потерял всех своих бойцов, был ранен, но оторвался от преследования и, отлежавшись в глухой деревне, вернулся в отряд. Что ему стоил этот рейд, он не говорит, но половина головы у него седая, такая же, как и у меня. «Серж» пожевал губами и выдал:

– Да есть один кадр. Из молодых. «Ёж». Его «Гном» себе забрал. Качественный «пионер».

Про «Ежа» даже я слышал. Таких орлов у нас ещё не было. Кадр действительно уникальный.

Во-первых, он еврей. Что само по себе удивительно для Латвии лета сорок второго года. Прибился он в посёлок поздней весной. По его рассказам – батрачил в семье латыша. Понимать – сидел на цепи. В один прекрасный весенний день «Ёж» решил, что пора делать ноги, а так как цепь не пускала, сжёг хутор к интересной, но неприличной матери. Под шумок и цепь сбил, и хозяина тем же топором отоварил. Наглухо. «Ежа» с собаками искали всем районом, но не нашли.

Во-вторых, «Ежа» любят все звери, его поэтому «Ежом» и прозвали. Он ещё в посёлке прикормил маленького ёжика, и тот стал ходить за большим «Ежом» по пятам, как маленькая собачка. Перебрались к нам оба «Ежа». Мелкий спит под кроватью большого в его старой рубашке. Никакие тряпки больше не признал. Вот честное слово, не вру. Сам видел.

В-третьих, это второй «Гном». Точная копия. Прям один в один, но если «Гном» попал к нам очень сильным, но мальчишкой, то «Ёж»… Как бы это помягче объяснить? Простой пример.

Притащил «Погранец» троих живых полицаев для тренировки «пионеров». «Ёж» услышал задание, криво усмехнулся, отдал «Погранцу» штык, оглядел снизу вверх дородного полицая и, ни слова не говоря, засадил ему кулаком прямо по висюлькам. Здоровенный полицай со связанными сзади руками, монументально возвышающийся над невысокими и худенькими подростками, с воем рухнул на землю. «Ёж» оседлал свалившегося упыря и топором отрубил ему ступню левой ноги, а правую ступню, так и сидя на орущем во весь голос полицае, раздолбал в кашу обухом топора. После чего сказал выпавшему в осадок «Погранцу»:

– Посидишь полгода на цепи – голыми руками его на лоскуты порвёшь. – При этом невысокий, но жилистый мальчишка был абсолютно спокоен, хотя был забрызган кровью полицая с головы до ног. Упыря он убил следующим движением: встал, развернулся и ударил потерявшего сознание мужчину обухом топора по голове, проломив височную кость.

Только от одного сольного выступления «Ежа» вся поляна была заблёвана при ещё живых упырях. Редкий у нас случай. Сам «Ёж», отдавая топор, в очередной

раз криво усмехнулся, а «Погранец», заглянув ему в глаза, отшатнулся. Много позже «Погранец» признался мне:

– Если бы я был верующий – перекрестился. – Потрясение «Погранца» было реальным. Ровно, как и всех остальных, я после него ещё с восьмерыми разговаривал.

«Ежа» от таких тренировок освободили, и «Погранец» сразу отдал его «Гному» и начал лепить из них боевую пару. Сейчас, спустя всего несколько месяцев, сравниться с ними можем только мы с «Сержем», «Старшина», «Рысь», «Погранец», «Гном» и Зерах. Любого другого «Ёж» за десяток секунд порубит в капусту пехотной лопаткой – это его любимое оружие.

Помимо всего остального, «Ёж» очень любит кидать ножи и рукопашный бой. Узнав, что «Фее» ножи делали мастера, он пришёл к старшему и попросил ножи себе. Мастер прислал его ко мне, я позанимался с мальчишкой и понял, что из него получится толковый боец, после чего к мастерам мы пришли вдвоём. Теперь у «Ежа» шесть метательных ножей, как у меня, и два под руки.

Единственное, что у «Ежа» хромает, так это немецкий язык, но мы пойдём не разговаривать, а убивать. Всех, до кого дотянемся. Не следовало упырям глумиться над моими мёртвыми ребятами. Мы обязательно это всем расскажем. Листовки уже пишут.

«Фея»

Каждый раз, когда я открывала глаза, я видела бога. Иначе это воспринимать было нельзя. Всё, что произошло за весну, лето и осень, промелькнуло для меня стремительным мигом. Прошлой осенью я восприняла его слова как сказку, но он действительно сделал меня своим напарником. Брал меня на свои операции и учил, объяснял, тренировал только меня. Я впитывала эти знания, как тряпка воду, учась каждую минуту, каждую секунду своей жизни.

Только в Риге я поняла, какому огромному количеству вещей он научил меня всего за один год. Из малолетней деревенской девочки, ненавидящей весь мир, я превратилась в богиню возмездия, мимолётно убивающую упырей. Именно так меня назвали почтенные, уважаемые, седые мужчины, многим из которых я

приходилась внучкой. Я была готова умереть за него, а произошло наоборот. За меня умирали и «Серж», и Клаус, и «Старшина», и он.

«Погранец» рассказал отряду всё, что он увидел там, на той лесной поляне. Он и его ребята позднее убирали трупы полицаев. Рядом со мной всё было залито кровью, а несколько упырей были зарублены коротким кавалерийским палашом с золотым эфесом, который «Командир» нёс в подарок «Погранцу».

Я приходила в себя и видела его. Сначала я думала, что попала в рай, но потом пришла боль, появились Эстер с Розой, а потом и «Дочка». Я так обрадовалась, что моя сестрёнка вернулась, ведь я так любила её, так же, как и свою родную сестрёнку. Потом пелена с глаз пропала, и оказалось, что это совсем незнакомая девочка, только похожая на Веру как две капли воды, и зовут её Тая.

Тая ухаживала за мной всё время. Тая и он. Были и ещё люди и врачи. Ко мне все относились хорошо, но только он и Тая находились со мной постоянно. Странно, но я перестала воспринимать её как «Дочку», хотя они действительно похожи, только Тая красивее. Потом он стал чаще пропадать, но это было нормально. Ведь он не только мой бог, он бог всего нашего отряда – он «Командир».

Однажды ночью я проснулась и увидела его. «Командир» сидел напротив меня, освещаемый свечой, стоящей на столе. У него на коленях спала уставшая Тая, точно так же, как и я, летом, когда ушла «Дочка». Он держал в своих ладонях орден Боевого Красного Знамени, гладил его пальцами и плакал, не замечая своих слёз. Мне уже сказали тогда, что это орден погибшей Сары, которая хотела подарить его «Командиру».

У меня теперь тоже есть такой орден, у нас у всех в отряде есть награды, кроме него. Мне его дали за наш рейд в Ригу, за зарезанных мной гестаповцев и полицаев и сгоревших в госпитале упырей. На следующий день после награждения я отдала орден ему. У меня больше ничего нет, мне достаточно его и Таи, а больше мне никто не нужен.

* * *

Я никогда бы не вспомнил об этом револьвере, если бы в моей жизни не было одного человека. Моего командира – подполковника Логинова, «Стерха». Помимо

самых разнообразных знаний и умений, которыми я тогда восхищался, у «Стерха» была страсть – коллекционирование всяческого стреляющего железа. Так вот у него в коллекции я видел одну весьма редкую по тем временам вещицу – револьвер под мелкокалиберный патрон. «Стерх» тогда этим «Наганом» очень гордился. Револьвер производился у нас в стране с двадцать седьмого, по-моему, года, а мелкашка – это однозначно значительно тише выстрел и меньше отдача. Для большинства из моих бойцов это не существенно. А для девочек и тихих ликвидаций?

Подумал об этом я, ещё лёжа на койке, сформулировал, поговорил с мастерами и зарядил заказ на Большую землю. Заказ выполнили, три десятка нулевых револьверов прислали вместе со всей навеской, то есть с глушителями по моим чертежам и патронами в том числе. Что значит зачем? Не зачем, а для кого. Для «Феи» с Таей. Одна девочка – это хорошо, но четыре руки с четырьмя лёгкими «Наганами» – это такой убойный аргумент.

Девчонки учатся стрелять с двух рук – в разведгруппе оказался такой умелец. У него все тренируются до сих пор, включая меня. Он учит меня, а я его некоторым премудростям, от которых мастер стрельбы по-македонски периодически вываливает свои зенки на утоптанный нашими ногами снег. К примеру, до военно-прикладной психологии и развития боевой интуиции здесь ещё не додумались.

После моего разговора с майором госбезопасности Смирновым вокруг отряда закрутились нешуточные страсти. Смирнов, настаивавший на моей немедленной отправке на Большую землю, был послан мною в пешеходный эротический круиз, но не пошёл, и хотя нудить перестал, иногда в его взгляде проскакивает желание свернуть меня в трубочку и в таком виде отправить к «Хозяину». Поняв, что в одно лицо скрутить меня в бараний рог ему не удастся, Смирнов высвистал в отряд кавалерию. Как он говорит, для моей охраны.

Ню-ню. Сегодня она охрана, а завтра конвой. Полтора десятка серьёзных мужиков мы разместили в отдельных землянках на нашей базе три дня назад, а Смирнов получил от меня помимо моих записей некоторые материальные доказательства, а точнее, остатки моей аптечки, китайские рации и бензопилу. Если бы я сам не видел, в жизни бы не поверил, что такой человек может хоть чему-то удивиться.

Это я к чему? Когда я сказал, что пойду в Екабпилс, Смирнов взвился на дыбы. Ему и в голову не могло прийти, что я пойду на операцию практически один, а когда «Серж» сказал ему, что я делаю это с самого начала, Смирнов выпал в осадок на очень длительное время. Дело в том, что я никогда не рассказывал ему о своём участии в подобных операциях. Все мои отчёты прошли без моего участия в боевых действиях отряда. Мне это как-то ни к чему, у меня другие планы.

Выйдя из ступора, Смирнов вяло попытался возбухнуть, но я напомнил ему о нашей договорённости. Когда я раскрывался, то прекрасно понимал, чем рискую, но нельзя сказать руководителю нашей страны «а», не сказав в дальнейшем «б».

Мне бы ничего не было, но я отвечаю не только за себя, но и за всех, кто сейчас здесь находится, а сделать то, что я запланировал, значительно проще, опираясь на мощь собственной Родины, чем в одиночку. В одно лицо я, конечно, сделаю, но с группой такой поддержки это значительно проще и эффективнее.

Сначала Смирнова с его боевиками опять привели с мешками на голове. Конечно же, я не стал забирать оттуда всех. Забрал только майора, второго радиста и двурукого стрелка. Остальные остались на прежнем месте, и туда была закинута группа Зераха и «Белка» с дополнительной группой для плотной работы с инструкторами.

В процессе нам прислали целую гору разнообразного нужного и не очень добра, в том числе и награды. Прислали нам эти не сильно нужные сейчас железки в одной из посылок вместе с документами, добавив головной боли Авиэлю, который заколебался учитывать документы упырей, а документы на «Сержа» принесли «Ода» с Тамиром. Так что он у нас теперь номинальный командир отряда с полным «фаршем».

По моей просьбе прислали документы на «Старшину», «Погранца» и Зераха, присвоив им звания младших лейтенантов госбезопасности. Прислали, разумеется, не полноценные документы с фотографиями, а простые шелковки с указанием имени, звания и номера части с печатью. Пусть будут, в работе пригодятся. От своих планов я отказываться не собирался.

Побеседовав со мной достаточно длительное время и поняв, что я от своего не отступлю, Смирнов стал мне больше помогать, чем мешать. Почему я упираюсь?

А я изначально не стремился остаться в стране. Мне очень нравится моя задумка. Если я сейчас пойду к «Фее» и скажу, что за мной ночью пришлют самолёт, полетели со мной, «Фея» полетит, а Тая плюнет мне под ноги и скажет… В общем, все сами знают, что мне скажет эта простая, скромная, потрясающе красивая белорусская девочка, потерявшая всех своих близких и просидевшая в публичном доме карателей четыре месяца.

Для чего я полечу? Прилечу, надую губы и буду ходить по разведшколе, сверкая блестящими железками на груди, и все будут целовать меня в жо… сзади ниже пояса? И кто я буду после этого? За линию фронта меня больше не отпустят, а в учебном центре я буду нужен как корове пятая нога. Ещё одно штабное энкавэдэшное мурло, сверкающее блестящими значками? Там и без меня таких кадров хватает.

Свои знания, мысли и соображения я надиктовываю Смирнову каждый день. Все полтора десятка «волкодавов» тренируются со мной, получая уникальные умения и информацию, а если бы я хотел мирной жизни, ушёл бы обратно, отпихнув с дороги беременную «Дочку». Поэтому особого смысла нет, а отомстить за «Руля» и его ребят я обязан, иначе мои бойцы меня уважать перестанут, а мне их уважение очень дорого.

* * *

В Екабпилс мы приехали на трамвае, на паровозе в смысле. Смирнов не смог отпустить меня одного, поэтому со мной он отправил двоих своих бойцов. Он отправил бы все полтора десятка и двурукого инструктора, но я не собирался сносить Екабпилс с лица земли. Я хочу слегка пощекотать упырей. Так сказать, объяснить им мои правила войны. Поэтому я сказал: двое или никто, и командую я или идите всем составом туда, куда в прошлый раз Смирнов не дошёл.

От инструктора по стрельбе я тоже отказался: нельзя стрелять из орудия главного калибра по комарам, от него будет много больше пользы там, где он сейчас находится. Мне крайне необходимо максимально натаскать «Фею», Таю и разведчиков «Погранца» и Зераха. Они осваивают свои мелкокалиберные «Наганы» даже не с прилежанием, а с остервенением, прекрасно осознавая, какая удача их обучает.

Себе я взял двоих сработанных друг с другом боевиков универсалов, дал Авиэлю сутки, и он собрал им нормальные документы и одежду. Ну и ещё кое-что по мелочи. За ночь мы с комфортом доехали на санях до железки и затихарились на контрольной точке в лесу. У нас не было никакого оружия, кроме моих «Маузеров», «Вальтеров», лёгких и простых «Наганов» и двух немецких автоматов с «глушаками», которые тащили ошизевшие от такого оборота боевики, попытавшиеся представиться по полной программе и получившие от меня с ходу погоняло «Чук» и «Гек». Я специально не взял никакого оружия, кроме пистолетов, гранат, трёх фугасов и ножей, так как с нами была группа прикрытия «Погранца», которая потом поведёт радистов на очередной сеанс связи.

«Чук», белобрысый невысокий крепкий парень, всё никак не мог понять, почему мы не взяли автоматы. Темноволосый «Гек» был чуть повыше, порассудительней и, судя по повадкам, опытней. Ребята вообще не понимали, как мы собираемся преодолеть больше ста километров по заснеженным лесам без оружия, продуктов и снаряжения.

Видимо, думая, что их разыгрывают, они обстоятельно собрались по полной программе, а я мигнул Авиэлю, и тот собрал им два наших походных набора и отдал их «Погранцу». Так что когда мы, отдохнув днём в палатках, под вечер добежали до «железки», я отобрал у них то, что они взяли с собой, передал всё это группе сопровождения, а им отдал наборы Авиэля, прибив их наглухо несерьёзностью поклажи и вооружения.

На паровоз мы подсели, как всегда, у полустанка, только теперь легко. «Погранец» загнал на переезд сани сразу, как только увидел ракету нужного цвета. Так что подсели мы без проблем и доехали до Резекне с комфортом и в нужное время, то есть ночью.

Грохнув часового прямо с площадки теплушки, мы соскочили, убрали очередного пожилого немца из хорошо знакомого нам полицейского полка и пошли по путям, огибая станцию слева.

Вырезая по ходу движения всех, кто попадается, и забирая только документы, мы дошли до нужного нам состава, не торопясь присобачили фугас и рванули оттуда дальше. Дело в том, что в Резекне две станции, эта вот нам больше не нужна. Это линия Даугавпилс – Псков, самая популярная, кстати, она ещё Резекне-1 называется. Была. Рвануло как раз, когда мы полпути пробежали,

перебив часовых у знакомого нам пакгауза. В этот раз огнепроводный шнур был нормальной длины.

Город моментально проснулся. Взрыв и разгоравшееся зарево здорово приблизили утро сегодняшнего дня в отдельно взятом городе. Посёлок, который мы только что миновали по сквозной улице, затихарился ещё больше. Наученный горьким опытом народ затих в ожидании зачистки.

На вторую станцию мы не попали. Мы только подбегали к городу, сделав нехилый марш-бросок прямо по объездной дороге, как увидели выползающий в нужную нам сторону состав.

Можно было не опасаться охраны на площадках вагонов, так как этот состав шёл от линии фронта. В такую погоду приличный хозяин собаку на улицу не выгонит, охрана наверняка грелась в головной теплушке, так что заскочили мы на площадки с ходу. Сначала я, «Чук» и «Гек», потом «Гном», «Серж» и «Ёж». Пока поезд не набрал ход, мы залезли на крышу и добрались до «Сержа» и «Гнома» с «Ежом». Собрав всю толпу на одной площадке, я перевёл дух:

– Ф-у-у, как же вдвоём проще! Пока вас всех соберёшь, умотаешься. Жаль, вторую станцию обидеть не удалось, но неизвестно, когда будет следующая попутка, – вполне искренне сказал я и только после этого посмотрел на спутников.

В темноте их, конечно, видно бы не было, но «Серж» зажёг фонарь, отобранный у одного из часовых. «Чука» и «Гека» надо было видеть. «Ёж» с «Гномом» и то были сдержанней. Хотя довольны были и они: у каждого в активе было по пятаку часовых, ну и документы они собирали и листовки оставляли. Наконец «Гека» пробило:

– «Командир»! Как это? Как такое возможно? Это же станция! Там столько охраны. А мы! А ты! – «Гек» сбился.

– А кто нас изнутри ждал? – просто спросил я. – Заходим мы ночью прямо на составе, используем глушители и стреляем в спину. Мы уже внутри и одеты в их форму. Охрана ждёт нападения снаружи. Выстрела в спину не ждёт никто, тем более что о глушителях большинство немцев даже не подозревает.

Гестапо будет искать подпольщиков, которых нет, а мы диверсанты. У нас другой принцип: пришёл, убил, ушёл. Аплодисменты нам не нужны. В прошлый раз мы с «Сержем» вообще на скорости запрыгивали в холодный осенний дождь, так «Серж» чуть не слетел, а сегодня идеальные условия. – Я чуть усмехнулся, вспомнив перекошенную рожу своего напарника, болтающего ногами в нескольких сантиметрах от колеса теплушки.

– Это точно. Я в прошлый раз чуть не обгадился. Если бы не «Командир», меня под колёсную пару затянуло бы, – с чувством сказал «Серж», нервно передёрнув плечами.

– Если бы не я, ты бы вообще на том поезде не оказался, – поправил я напарника.

– Одно хорошо: мы там «Рысь» нашли, пленных выпустили, ну и станцию обидели, а ты гадостей упырям написал. – «Серж» коротко гоготнул, видимо припомнив свои тогдашние ощущения. Во второй раз, да ещё и через год, всё ощущается и вспоминается значительно проще.

Ошарашенные «Чук» с «Геком» переводили взгляды то на меня, то на «Сержа». «Гном» откровенно ржал, он эту историю уже слышал, все диверсии разбираются на занятиях, а «Ёж» невозмутимо принялся перезаряжать «Наган», он только что в такой операции поучаствовал.

– Чего смотрите? Если бы по весне здесь карателей не перебили, хрен бы мы так спокойно по округе бегали. Батальон карателей на технике – это вам не цацки-пецки. Спасибо «Рулю» с его танкистами. Ладно, давайте поспим, что ли. «Чук», ты первый дежуришь, «Гек» – потом, дальше решите сами. Здесь километров сто. Если засветло не успеем, надо будет сходить до города. – Поспать мне немного удалось, хотя было очень холодно и дуло, как в аэродинамической трубе, так что задубели все до деревянного состояния.

Засветло мы, конечно, не успели. Я не сильно и надеялся – поезд еле полз, потом набрал скорость, но на рассвете опять еле пополз. Так что, как только я увидел полустанок, так решил, что пора сваливать. Оказалось, вовремя: были уже почти пригороды Екабпилса. Соскочили и не торопясь пошли по путям к единственной постройке, у которой маячил одинокий часовой. Маскхалаты мы сняли, глушители с оружия свинтили и убрали пистолеты, и «Наганы», оставив только «Маузеры», которые издали выглядели с «глушаками» как автоматы МП-28,

которыми в основном вооружены полицейские части.

Так что в своей немецкой форме мы выглядели почти привычно для окружающих. Сонный часовой, по крайней мере, особенного беспокойства не проявил. Удар ножом. Теперь и не проявит, а у «Чука» появилась «трёхлинейка». Низкорослый «Гном» и мизерный по сравнению с крепкими разведчиками «Ёж» выглядят настолько несерьёзно, что удивлялся часовой уже мёртвым. Мне даже командовать не надо, мои малолетние убийцы заныкали часового моментально, а мы с «Сержем», не сбавляя шага, дошли до двери и по-хозяйски зашли в помещение.

Минус ещё восемь и два «языка». Удачно мы в Краславе «Маузеры» подрезали. Хорошие глушители делают мои мастера. Прямо сонное царство какое-то. Было, до нашего появления. Я заглянул в небольшой кабинет и полез шарить по ящикам стола. «Серж» с «Чуком» и «Геком» занялись допросом. «Ёж» с «Гномом» утилизировали трупы на найденном складе. Каждый был при деле.

Закончили через сорок минут, я раньше всех, поучаствовав в допросе и чаепитии. Делать здесь было нечего, а информацию мы получили самую полную, какую только смогли. Я же говорил, что технологии двадцать первого века здесь работают на все сто. Как только «Серж» показал оставшимся в живых упырям мои рекламные фото, мы получили самую полную информацию, какая у них была, даже пытать никого не пришлось. Увидев фотографию посаженного на кол Ранке, один упырёк даже обмочился. В своё время штаны со штурмбаннфюрера СС для удобства посадки сняли, а китель оставили, и выглядел гестаповец потрясающе сюрреалистично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shmaev_valeriy/mstitel-doroga-gneva

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити